

ИРЭН КИПО

ВСЁ ХОРОШО

В ЗОНЕ ВИДИМОСТИ

Ирэн Кипо

В зоне видимости

«Автор»

2026

Кипо И.

В зоне видимости / И. Кипо — «Автор», 2026

За жизнью Веры и Арсения Ланских следят миллионы. Семейный блог «Всё хорошо» вырос вместе с их семьёй: любовь, трое детей, работа, успех — и привычка делиться частью своей жизни с другими. Когда новая технология обещает освободить их от постоянной съёмки, решение выглядит простым: теперь можно меньше думать о контенте и больше быть вместе. Если всё хорошо — почему бы не сделать ещё лучше?

© Кипо И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	48
ГЛАВА 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ирэн Кипо

В зоне видимости

Часть 1

ГЛАВА 1

Вера проснулась от запаха кофе. Несколько секунд она лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, который час. За окном было ещё темно.

Февральское московское утро не наступало сразу. Оно просачивалось медленно, как вода сквозь бумагу, превращая чёрные окна в серые.

Сорок первый этаж просыпался медленнее города.

Где-то далеко внизу уже двигались машины. За панорамными окнами мерцали огни развязок, тянулись ленты фар, а стеклянные башни соседних кварталов только начинали проступать из темноты.

Рядом тихо дышал Арсений. Во сне он выглядел моложе. Исчезала привычная сосредоточенность, разглаживалась складка между бровей, и становилось видно того самого мужчину, которого она встретила четырнадцать лет назад.

Вера осторожно повернулась на бок.

Пальцы автоматически потянулись к волосам, проверяя, как они лежат. Потом — к лицу.

Привычка сразу замечать следы недосыпа осталась. Светлые волосы чуть растрепались во сне, под глазами лежала лёгкая тень, на щеке остался след от подушки.

На прикроватной тумбочке лежал телефон. Экран светился. Уведомлений было столько, что цифры превратились в красный кружок без смысла. Она отвернула его экраном вниз.

Пять минут. Мир может подождать пять минут.

Спальня нравилась ей именно утром. Днём здесь были разбросаны детские книги, одежда и игрушки Лизы, которые каким-то загадочным образом мигрировали по всей квартире. Но сейчас всё выглядело красиво и спокойно. Светлое дерево. Большой зеркальный шкаф. Старый бабушкин комод, который они зачем-то перевезли из предыдущей квартиры. Арсений говорил, что у каждой семьи должны быть вещи старше самой семьи. Иначе память становится слишком короткой.

Из детской донёсся глухой удар. Потом ещё один. Вера закрыла глаза. Началось. Через секунду дверь распахнулась.

— Мамочка!

Лиза стояла на пороге в пижаме с жёлтыми утками. Трёхлетняя. Круглолицая. С копной светлых волос, похожих на одуванчик. Под мышкой она держала плюшевого зайца без одного уха.

— Я уже плюснулась.

— Доброе утро, солнышко.

— И зайчик тоже плюснулся.

— Замечательно.

— И мы хотим кушать.

Не «я». «Мы». Последние полгода все желания ребёнка автоматически распространялись на зайца.

Вера села на кровати. Лиза немедленно забралась к ней на колени. Тёплая. Мягкая. Пахнущая детским шампунем. Именно в такие моменты ей казалось, что счастье вообще не имеет отношения к успеху. Счастье весило примерно пятнадцать килограммов и обнимало её за шею.

Из коридора донёсся топот. Более тяжёлый. Более целеустремлённый.

Митя. Восемь лет. Мальчишка, который умудрялся одновременно быть обаятельным и разрушительным. Если Лиза была маленьким ураганом, то Митя был полноценным стихийным бедствием федерального масштаба.

Он влетел в спальню.

— Мама, где мой второй носок?

— Не знаю.

— А где мои спортивные штаны?

— Не знаю.

— А где мой рюкзак?

— Не знаю.

— А почему никто ничего не знает в этом доме?

— Потому что ещё семь утра.

Митя задумался.

— Логично.

И убежал.

Через секунду откуда-то из глубины квартиры раздался крик:

— Соня-я-я-я!

Ответ прилетел сразу:

— Отстань от меня!

Послышался приглушённый спор.

— Я первая!

— Ты всегда первая, потому что хитришь!

Вера улыбнулась. Соня была старшей. Тринадцать лет. Высокая для своего возраста. Темноволосая. Похожая одновременно и на неё, и на Арсения. Возраст, когда детство ещё не отпустило её руку, но взрослая жизнь уже тихо стучалась в дверь. Ещё вчера Соня была девочкой, увлечённой своими играми и секретами, а сегодня всё чаще смотрела на мир внимательно, задумчиво, словно пытаясь понять в нём что-то важное, недоступное раньше.

В последние месяцы Вера замечала эти перемены всё чаще. Иногда Вера ловила себя на мысли, что разговаривает с дочерью почти как с подругой. А иногда Соня начинала громко возмущаться из-за цвета чашки и мгновенно возвращалась в детство.

Из кухни снова потянуло кофе.

Систему умного дома установили ещё при ремонте квартиры, несколько лет назад. Кофемашина включалась сама, шторы открывались утром, свет подстраивался под уровень освещения. Они давно перестали это замечать.

Арсений, не открывая глаз, пробормотал:

— Судя по шуму, дети живы.

— Пока да.

— Значит, день обещает быть успешным.

К тому моменту, когда Вера вышла из спальни, Москва уже просыпалась. Солнце скользило по стеклянным фасадам соседних башен и отражалось в огромных панорамных окнах квартиры.

Квартира была большой, красивой, но не музейной. В ней жили. На диване лежал забытый плед с мультяшными лисами. На подоконнике — открытая упаковка миндаля в шоколаде. На журнальном столике соседствовали дорогой альбом по архитектуре, раскраска Лизы

и пластмассовый динозавр, которому кто-то нарисовал ручкой усы. Вера любила именно это — следы их обычной жизни.

Вера включилась в ритм дня.

— Мама, — снова Митя, — ты меня слышишь?

— Слышу.

Она говорила автоматически, уже одновременно открывая шкаф, проверяя, что наденут дети, мысленно собирая день в структуру: съёмка в три, встреча в пять, звонок в семь, ужин — если получится.

Она уже стояла у кухонного острова, держа телефон в одной руке и чашку кофе в другой.

Экран мигал уведомлениями: сообщения от менеджеров, напоминания о съёмке, уточнения по контракту Виста, короткие «срочно» без содержания.

Она читала их не по порядку, а по важности, как человек, который давно перестал верить в линейность дня.

Телефон завибрировал. Марина. Из оставшихся двадцати семи непрочитанных сообщений двадцать шесть были от неё.

Вера открыла последнее.

«Доброе утро. Напоминаю: интеграция завтрака. Снять до 8:30. Клиент хочет сохранить премиальную эстетику, больше лёгкой семейной теплоты и безупречную картинку».

Вера фыркнула.

— Конечно.

Телефон немедленно зазвонил.

— Ты даже не дала мне соскучиться.

— Доброе утро, — бодро ответила Марина. — Вы уже снимаете?

— Мы ещё существуем.

— Отлично. Тогда снимайте существование.

— Это новый жанр?

— Сейчас всё новый жанр.

Вера рассмеялась и отключилась.

Кухня уже жила своей утренней жизнью. Большой кухонный остров из светлого камня, дубовый стол, дизайнерские светильники, встроенная техника, скрытая за фасадами шкафов. Всё выглядело дорогим.

Лиза сидела на высоком барном стуле. Перед ней стояла тарелка с сырниками. Она аккуратно, почти с научной сосредоточенностью, выковыривала из сырника изюм. Каждый раз это превращалось в маленький ритуал. Сырники Лиза любила. Изюм — нет. Мир для неё пока ещё делился на простые категории, и никакая взрослая логика не могла их поколебать.

— Этот тоже убели, — сказала она, не поднимая глаз.

— Лиза, это последний, — ответила Вера, доставая чашку из шкафа.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Пауза повисла ровно настолько, чтобы стать переговорами. Лиза наконец подняла взгляд. Серьёзный, почти деловой. Потом посмотрела на изюм. Потом снова на мать. И тяжело вздохнула — так, будто речь шла не о завтраке, а о дипломатическом соглашении между двумя странами, уставшими от конфликта.

— Ладно, — сказала она наконец. — Один можно оставить. Но один.

Вера чуть улыбнулась, но ничего не ответила.

Следом вошла Соня. Уже наполовину собранная. В чёрном худи и джинсах. Перед ней мгновенно появились телефон, планшет и школьные тетради.

— Мам.

— М?

— Где мой красный рюкзак?

— Там же, где ты его оставила.

— Мне кажется, он решил начать новую жизнь.

Следом появился Митя — в футболке с космосом, по-прежнему в одном носке.

— Я сегодня робототехнику не найду.

— Ты её вчера тоже не находил, — сказала Соня.

— Но вчера я её нашёл.

На кухню вошёл Арсений. Высокий, немного растрёпанный, в старой футболке какого-то кинофестиваля.

— Где мой носок? — снова спросил Митя.

Арсений сделал глоток кофе.

— Если бы люди искали истину так же настойчиво, как ты этот носок, человечество уже колонизировало бы Марс.

Соня засмеялась.

— Я не понял шутку, — признался Митя.

— Вырастешь — поймёшь.

— Не хочу.

— Тогда никогда не поймёшь.

Лиза тем временем усадила рядом с собой зайца.

— Он тоже завтлакает.

И никто не стал спорить.

— Завтракаем быстро, — сказала Вера. — Потом снимаем.

— Опять? — простонала Соня.

— Это займёт пятнадцать минут.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что я оптимист.

— Потому что это неправда.

Арсений поднял палец.

— Соня выигрывает этот раунд.

Соня подняла взгляд.

— А я могу не участвовать?

В комнате стало тише. Вера посмотрела на неё.

— Не можешь, — сказала она осторожно. — Ты же часть семьи.

— Я и так часть семьи, — ответила Соня.

Митя засмеялся.

— А я буду в кадре! Мне сказали, я «энергичный элемент семьи».

— Тебя уже классифицировали, — заметила Соня.

— Это удобно, — гордо ответил он.

Лиза подняла зайца выше.

— А он какой?

Вера задержала взгляд на ней.

— Он просто с нами, — сказала она.

И в этот момент телефон Веры снова завибрировал. Короткое уведомление:

Виста: напоминание о съёмке через 15 минут. Рекомендуем стабилизировать семейную динамику перед началом записи.

Она усмехнулась.

— Стабилизировать семейную динамику, — повторила она тихо.

Арсений поднял глаза.

— Они любят, когда люди звучат как системы.

Соня встала из-за стола.

— А если мы не будем стабилизироваться?

Митя оживился.

— Тогда мы будем нестабильные!

— Это почти одно и то же, — сказала Соня.

Лиза посмотрела на зайца.

— Он всегда ста-би-ли-зуется, — Лиза старательно выговорила новое слово.

И это прозвучало как самое взрослое утверждение за утро.

Вера встала. Телефон снова завибрировал. Марина прислала:

«Не забудьте показать семейную атмосферу».

Вера показала экран мужу.

— Что именно они думают, мы делаем остальные двадцать три часа в сутки?

— Наверное, выключаем атмосферу и убираем в шкаф.

— Вместе с носком, — вставила Соня.

— Носок не найден! — напомнил Митя.

Вера уже доставала штатив. Это была часть жизни так давно, что перестала казаться странной.

Поставить камеру. Проверить свет. Выбрать дизайнерские тарелки. И завтрак. Не ресторанный.

Не показательно роскошный. Именно такой, какой любят обеспеченные семьи, которые пытаются жить здорово, красиво и при этом по-настоящему.

К счастью не надо было вставать в пять утра и героически готовить на всю семью. Для этого существовала доставка. Большую часть продуктов привезли ещё накануне вечером по подписке на фермерские наборы. Хлеб доставили из любимой пекарни внизу. Ягоды и фрукты заказала Алиса, сверяясь с очередным списком от Веры. А сырники вечером приготовил Арсений — его редкая, но принципиальная зона ответственности. Он утверждал, что сырники нельзя доверять ни ресторанам, ни доставке, ни алгоритмам. Поэтому теперь на большом блюде лежали только что подогретые сырники. Рядом стояла миска с голубикой и малиной. Греческий йогурт. Свежий хлеб на закваске. Фермерское масло. Мёд. Яйца пашот. Апельсиновый сок. Ничего сложного. Ничего случайного. Убрать с кадра упаковку от йогурта. Передвинуть вазу ближе к окну. Сделать так, чтобы обычное утро выглядело чуть красивее обычного.

Она посмотрела на экран. Семья выглядела идеально. Почти. Лиза кормила зайца ягодами. Митя всё ещё был в одном носке. Соня листала школьный чат. Арсений читал новости.

— Все готовы?

— Нет, — сказала Соня.

— Отлично.

— Почему отлично?

— Потому что никогда никто не готов.

Вера нажала запись. Быстро села за стол. Улыбнулась. И почти мгновенно превратилась из Веры в Веру Ланскую — лицо блога «Всё хорошо».

— Доброе утро, наши хорошие...

В этот момент Митя чихнул прямо в йогурт. Соня согнулась пополам от смеха. Арсений уткнулся в чашку. Лиза показала камере зайца.

— Он тоже завтлакает.

Вера закрыла лицо руками.

— Великолепно.

— Это снимаем? — спросил Митя.

- Именно это и снимаем.
- Правда?
- Людям нравится знать, что другие тоже чихают в йогурт.
- Особенно успешные блогеры, — добавил Арсений.

Они сделали ещё несколько дублей. В одном Лиза ушла искать зайцу воду. В другом Митя объявил, что собирается стать профессиональным пиратом. В третьем Соня отказалась говорить заготовленную фразу про семейные традиции.

- Никто так не разговаривает.
- Мы разговариваем.
- Нет.
- Да.
- Мам.
- Что?
- Ты сейчас споришь как Митя.
- Это наследственное.

Наконец получилось. Не идеально. Но живо. Как и любили подписчики блога «Всё хорошо».

Щёлкнул ключ в замке, пришла Алиса — помощница Веры по хозяйству и няня Лизы. Молодая, красивая, с той лёгкой уверенностью человека, который умеет быстро становиться своим в любом доме. Последние месяцы Алиса всё чаще помогала не только с Лизой и бытовыми делами, но и во время съёмок, если это было нужно.

Дети любили её в том числе за добрые глаза и удивительный талант находить потерянные вещи.

- Доброе утро.
- Алиса! — обрадовалась Лиза.
- Доброе утро.
- Алиса посмотрела на Митю.
- Что потерял?
- Откуда ты знаешь?
- У тебя такое лицо.

Через тридцать секунд она достала носок из-под дивана.

- Как?
- Опыт.
- Ты волшебница.
- Немного.

Митя смотрел на неё с искренним уважением.

Соня взяла рюкзак.

- Я пошла.
- Хорошего дня.
- И тебе.

Она быстро обняла мать, потом отца.

Митя тоже схватил рюкзак.

- Если робот сегодня победит, я требую реванш.
- Передам роботу, — сказал Арсений.
- Спасибо.

Через несколько минут квартира начала пустеть.

Дети в сопровождении Алисы небольшой гурьбой двинулись к лифту. За два года работы маршрут стал для девушки привычным: забрать детей, развезти каждого по своим делам и дать Вере несколько спокойных часов дома.

Соня первой села на заднее сиденье, на ходу застёгивая куртку и проверяя, всё ли взяла с собой. У школьных ворот она быстро выскочила из машины, поправила рюкзак и махнула рукой на прощание.

Следом Митя. Он всю дорогу зевал, смотрел в окно и только перед выходом вспомнил, что не может найти пенал. После коротких поисков пенал обнаружился под сиденьем, и мальчик, облегчённо вздохнув, побежал ко входу.

Последней оставалась Лиза. Девочка крепко прижимала к себе старого плюшевого зайца. Алиса проводила её внутрь детского центра и помогла снять куртку. Лиза поправила игрушке ухо и устроилась рядом с другими детьми.

— Я буду ждать тебя здесь, — сказала Алиса.

Лиза серьёзно кивнула и крепче обняла зайца.

Квартира опустела. Стало тихо. Вера подошла к окну. Внизу текла Москва. А Вере вспомнилось, как всё начиналось.

Мите было три месяца. Соне — пять лет.

Вера не помнила, когда в последний раз спала больше четырёх часов подряд. В какой-то момент все дни стали похожи друг на друга настолько, что перестали складываться в воспоминания. Они просто текли. Утро. Каша. Лекарство для Сони. Памперс. Кормление. Стирка. Снова кормление. Снова памперс. Ночь. Плач. Ещё ночь. Опять плач. Иногда ей казалось, что она живёт внутри бесконечного повторяющегося дня сурка. Квартира тогда была совсем другой. Не эта просторная квартира на сорок первом этаже. Не дизайнерский интерьер из журналов. Не панорамные окна. Обычная двушка недалеко от центра. Старый дом. Маленькая кухня. Скрипучий паркет. В прихожей стояла коляска, которую некуда было убрать. На холодильнике висели детские рисунки Сони и список покупок.

Митя снова заплакал. Вера закрыла глаза. Подождала. Иногда дети успокаиваются сами. Митя не успокоился. Наоборот, плач стал громче. Она поднялась с дивана. Спина болела. Голова тоже. Спать хотелось постоянно. Под глазами залегли тени. Когда-то гримёры часами создавали ей усталый вид для съёмок. Теперь природа справлялась сама.

— Иду.

Митя плакал так искренне, будто произошло что-то ужасное. Оказалось — газики. Снова.

Вера взяла его на руки. Покачала. Он затих на несколько секунд. Потом опять сморщился.

Из соседней комнаты донёсся кашель. Соня. Третий день температура. Невысокая, но противная. Та, которая не проходит и не даёт расслабиться.

Вера посмотрела на часы. Половина первого.

Арсений был в Екатеринбурге. Или в Казани. Она уже путалась. Последние месяцы он всё время куда-то ездил. Работал — писал, снимал, брал интервью. Возвращался поздно. Уезжал рано.

Она понимала почему. Кто-то должен был зарабатывать деньги. Но понимание не всегда помогает. Иногда хочется не понимания. Иногда хочется, чтобы кто-то просто пришёл и сказал:

«Я сегодня всё беру на себя».

Телефон лежал на столе. Экран загорелся. Очередная новость. Очередная премьера. Очередной кинофестиваль. Очередная фотография коллег. Красивые люди. Красные дорожки. Интервью. Премьеры. Съёмки. Жизнь продолжалась. Только без неё.

Когда-то после «Зимнего сада» ей говорили, что впереди большая карьера. Новая звезда. Новая героиня поколения. Потом появилась Соня. Потом несколько фильмов, небольших ролей, без первого оглушительного успеха. Потом телевидение.

И вот Митя. И теперь казалось, что её просто выключили из профессии. Никто не говорил об этом вслух. Но индустрия никогда никого не ждёт. Особенно женщин.

Она открыла камеру. Просто машинально щелкнула селфи и не узнала себя — растянутый домашний свитер, на голове явно не художественный беспорядок, следы бессонницы. Ребёнок на руках. Игрушки на полу. Гора белья за спиной.

Она вдруг рассмеялась. Тихо. Почти беззвучно, чтобы опять не разбудить только уснувшего Митю. Потому что выглядело это настолько далеко от красивой картинки, насколько вообще возможно. Хотя честно.

Палец завис над экраном.

Публиковать? Не публиковать? Какая разница.

Она набрала два короткие слова.

«Всё хорошо».

И отправила. Потом убрала телефон. И пошла к Соне. Ежедневная круговерть продолжалась без остановки.

Через час пришло первое сообщение. Потом второе. Потом десятое. Потом сотое.

Женщины писали из разных городов. Кто-то кормил ребёнка в три часа ночи. Кто-то только что пережил развод. Кто-то плакал в ванной, пока дети смотрели мультики. Кто-то признавался, что чувствует себя плохой матерью. Они не восхищались. Не завидовали. Не просили советов. Они просто говорили:

«Спасибо».

Вечером вернулся Арсений. Уставший. Замёрзший. С дорожной сумкой через плечо. Вера сидела на кухне. Перед ней лежал телефон. Сотни уведомлений.

Арсений посмотрел на экран. Потом на неё.

— Что случилось?

— Не знаю.

Он взял телефон. Несколько минут молча читал сообщения. Потом поднял голову.

— Вера.

— Что?

— Кажется, ты нашла что-то важное.

— Это просто фотография.

— Нет.

Он покачал головой.

— Не фотография.

Он снова посмотрел на экран.

— Люди устали притворяться.

Она усмехнулась.

— И что мне теперь делать?

Арсений задумался. Потом улыбнулся. Той самой улыбкой, которая появлялась у него, когда он видел историю раньше остальных.

— А что если рассказывать дальше?

— Кому это интересно?

Он развернул телефон к ней. Там продолжали появляться новые сообщения. Одно за другим.

— Похоже, очень многим.

Так появился блог, который через несколько лет будет знать вся страна. Но в тот вечер это были всего лишь два слова.

«Всё хорошо».

И Вера, которая в тот момент меньше всего на свете чувствовала, что у неё всё хорошо.

Телефон снова завибрировал. Марина прислала сообщение:

«Отлично получилось. Клиент в восторге».

Вера улыбнулась.

За её спиной Арсений собирал чашки со стола и что-то тихо напевал. Обычное утро. Обычная семья. Обычная работа. И если бы кто-нибудь спросил Веру в этот момент, как дела, она бы не задумываясь ответила:

— Всё хорошо.

К десяти утра квартира успела прожить уже две разные жизни.

Первая закончилась вместе с хлопком входной двери, когда дети разошлись по своим делам.

Вторая началась сразу после этого. С телефоном на штативе. Ноутбуком на кухонном острове. Коробками с одеждой у стены. И голосом Марины в наушнике Веры.

— Нет, вот это платье точно берём.

— Марина, это халат.

— Тем более. Сейчас люди любят халаты.

— Почему?

— Потому что они устали.

— От чего?

— От брюк.

Вера рассмеялась. Арсений, проходивший мимо с чашкой кофе, поднял большой палец.

— Полностью поддерживаю народное движение против брюк.

— Вот видишь? — сказала Марина. — Даже Арсений согласен.

— Арсений согласен почти со всем, пока его не заставляют участвовать.

— Кстати, где он?

— Здесь.

— Передай ему, что через двадцать минут съёмка.

— Он слышит.

— Тогда пусть перестанет делать вид, что не слышит.

Арсений демонстративно снял наушник с уха Веры.

— Марина, доброе утро.

— Доброе утро. Через двадцать минут ты счастливый муж.

— Я счастливый муж уже четырнадцать лет.

— Нет. Сейчас ты рекламно счастливый муж.

— А, это другое.

Марина отключилась. Вера покачала головой.

— Иногда мне кажется, что она вообще не спит.

— Спит.

— Откуда знаешь?

— Она однажды прислала сообщение только в восемь утра.

— Это не доказательство.

— Для Марины — доказательство.

Коробки с одеждой стояли вдоль стены гостиной. Сегодняшняя интеграция была для крупного бренда домашней одежды. Ничего сложного. Несколько коротких видео. Фотографии. Пара сторис. Полчаса работы, которая по опыту Ланских обычно превращалась в три часа. Вера открыла первую коробку.

— Почему всё бежевое?

Арсений заглянул внутрь.

— Чтобы не задумываться при выборе.

— Очень похоже на правду.

Он вытащил футболку. Повертел.

— По-моему, это занавеска.

— Это жутко дорогая дизайнерская домашняя футболка.

— Тогда я ужасно отстал от моды.

Вера рассмеялась.

Несмотря на миллионы подписчиков, несмотря на контракты и менеджеров, самые популярные ролики у них всё равно получались случайно. Когда никто не старался. Когда Митя падал со стула. Когда Лиза пыталась накормить зайца брокколи. Когда Соня закатывала глаза на очередную родительскую «глупость». Когда Арсений забывал, что его снимают. Тогда люди писали:

«Вы такие настоящие».

Хотя настоящими они были всегда. Просто камера замечала это не каждый день. Вера переделалась и подошла к зеркалу. Из отражения на неё смотрела красивая женщина тридцати пяти лет. Светлые волосы собраны в низкий хвост. Светлая кожа. Тонкие морщинки у глаз.

Жизнь. Раньше она просила ретушёров убирать их. Теперь перестала. Подписчики почему-то любили их больше именно тогда, когда замечали, что они обычные люди.

Арсений появился в дверях.

— Ты готова?

— А ты?

— Нет.

— Отлично.

— Значит, можем начинать.

Они давно заметили закономерность. Если ждать идеального состояния, можно не снять ничего. Поэтому снимали в любом. Вера поставила телефон на штатив. Проверила кадр. Гостиная выглядела именно так, как нравилось подписчикам. Большая. Светлая. С книжными стеллажами. С огромным диваном. С детскими рисунками на холодильнике, которые оживляли и украшали интерьер.

— Камера пошла, — сказала Вера.

Арсений мгновенно улыбнулся.

— Здравствуйте.

— Почему таким голосом?

— Каким?

— Как будто ты ведёшь передачу про выращивание картофеля.

— А если я люблю картофель?

— Тогда сочувствую.

Они сняли первый дубль. Потом второй, третий. На четвёртом Арсений забыл текст. На пятом начала смеяться Вера. На шестом они оба забыли, о чём вообще говорят.

— Подожди, — сказал Арсений. — Что именно рекламируем?

— Домашнюю одежду.

— Хорошо. Я потерял сюжет.

— Его и не было.

— Тогда всё отлично.

Вера, наклонившись к коробке с одеждой, вытащила светлый комплект и бросила на диван.

— Ну и что это? — спросила она, коснувшись пальцами тонкой ткани. — Они правда решили, что мы будем это рекламировать?

Арсений взял рубашку двумя пальцами, как что-то сомнительное.

— Вообще-то у этой домашней одежды есть единственное достоинство.

Вера подняла на него взгляд.

— Какое?

Он чуть наклонился ближе.

— Её не жалко быстро снять.

Секунду она смотрела на него с таким видом, будто собиралась возмутиться.

Потом прыснула. Сначала тихо, потом уже не удержалась и рассмеялась в полный голос.

— Арсений, это провал.

— Это правда, — сказал он с самым серьёзным видом. — Чистая правда о продукте.

— Они тебя за это больше не позовут.

— Зато ты смеёшься.

Она всё ещё улыбалась, когда он подошёл ближе.

Квартира была непривычно пустой. Алиса увезла детей ещё час назад, и дом словно выдохнул. Без детских голосов гостиную стало слышно по-другому: негромкий гул города за окнами, еле слышное жужжание холодильника, мягкий щелчок часов в коридоре.

Их время. Их дом. И он, стоящий так близко, что Вера уже чувствовала его тепло.

— Ты сейчас нарочно? — спросила она.

— Я? — Арсений поднял брови. — Я работаю.

— Ужасно.

— Знаю.

Он улыбнулся чуть шире, и в этой улыбке уже было слишком много того, что не должно было попасть в кадр. Вера протянула руку, будто собиралась забрать у него рубашку, но вместо этого положила ладонь ему на грудь. Он не пошевелился. Только опустил глаза на её руку, потом снова перевёл взгляд на лицо.

— Верочка.

Она прищурилась.

— Не называй меня так сейчас.

— Почему?

— Потому что ты знаешь, что делаешь.

Он тихо рассмеялся — низко, почти беззвучно, и это подействовало сильнее любого прикосновения. Она почувствовала, как у неё сразу изменилось дыхание. Арсений накрыл её руку своей, сжал пальцы, потом медленно потянул к себе. Не резко, не требовательно — так, будто знал, что она пойдёт за ним. Он оказался рядом, совсем близко, и теперь между ними не осталось ничего, кроме короткого расстояния, которое уже не имело значения.

Вера подняла глаза.

— Камера выключена?

— Выключена.

— Совсем?

— Совсем.

Она кивнула. И в этот момент всё стало очень простым. Он коснулся её щеки медленно, как будто хотел убедиться, что она действительно здесь. Тёплая кожа под его пальцами, его взгляд, неотрывный и спокойный, и уже не нужно было ни слов, ни шуток. Вера чуть повернула голову, прижимаясь к его ладони.

— Ты невозможный, — прошептала она.

— Ты тоже.

— Я вообще-то пыталась работать.

— Плохо старалась.

Она фыркнула, но уже через секунду он наклонился и поцеловал её. Сначала легко. Почти дразняще. Так, как будто ещё оставлял ей возможность передумать. Она не отстранилась. Наоборот — сама потянулась ближе, ладони скользнули ему на плечи, пальцы впились в ткань рубашки. Арсений поцеловал её снова, уже глубже, увереннее, и Вера почувствовала, как

у неё внутри всё мгновенно откликнулось на это движение. Как будто тело узнало его раньше, чем она сама успела подумать. Он прижал её к себе, и она почти сразу почувствовала, как исчезает последняя дистанция между ними. Краем сознания она ещё отметила, что в гостиной всё осталось как было: коробка с одеждой, диван, выключенная камера, светлый прямоугольник окна. Но это больше не имело значения. Всё остальное отступило так быстро, как будто вообще не существовало.

Арсений провёл рукой по её спине, потом ниже, задержался на талии, Вера коротко выдохнула ему в рот, почти рассмеялась от собственного дыхания, от того, как резко и легко всё в ней вспыхнуло. Он отстранился на полшага, только чтобы посмотреть на неё.

— Что?

Она покачала головой, улыбаясь.

— Ничего.

— Врёшь.

— Никогда.

Он снова поцеловал её — уже без всякой игры, и в этот раз Вера почувствовала, как у неё начинают дрожать пальцы. Она сама стянула рекламную рубашку с его плеча, потом, с упрямым нетерпением, помогла снять и вторую половину. Арсений тихо выругался сквозь смех, когда запутался в рукаве.

— Прекрасно.

— Это ты ещё про брюки не сказал, — прошептала Вера.

Он посмотрел на неё таким взглядом, от которого у неё снова перехватило дыхание.

— Сейчас скажу.

И сказал бы, если бы она не потянула его к себе снова. Они почти столкнулись с диваном. Разложенная на нём футболка окончательно оказалась никому не нужна. Вера засмеялась коротко, на выдохе, когда он перехватил её за талию и повернул к себе спиной, прижимаясь губами к её шее. Это было так знакомо, так точно, что на секунду она закрыла глаза и просто растворилась в этом ощущении — в его руках, в его дыхании у кожи, в том, как быстро и легко она снова стала не Верой с миллионами подписчиков и бесконечными делами, а женщиной, которой нужен именно он.

— Арс... — сказала она, но голос у неё уже был совсем не тот.

Он поднял голову.

— Мм?

— Ты отвлекаешь от рекламы.

— Я улучшаю рекламу.

Она тихо рассмеялась и сама развернулась к нему, обняла за шею, прижалась всем телом, так близко, что ближе уже некуда. Он поцеловал её в уголок губ, потом ещё раз — в щёку, в скулу, снова в губы, и каждый раз это было чуть иначе, чуть глубже, чуть горячее. Вера чувствовала, как у неё внутри нарастает это знакомое нетерпение, когда уже не хочется ни говорить, ни ждать, ни думать о чём-то кроме него. Арсений поднял её на руки легко, будто она ничего не весила, и Вера со смешком обвила его талию ногами, притягивая к себе ещё ближе.

— Осторожнее, — прошептала она ему в губы.

— Почему?

— Я могу передумать.

— Поздно.

Он опять поцеловал её — уже нетерпеливо, жадно, с тем самым узнаваемым напором, от которого у неё каждый раз темнело в глазах и становилось смешно, горячо и очень хорошо одновременно. Она начала смеяться прямо в поцелуй, когда он запутался в подушках и почти уронил её на край дивана.

— Ты что делаешь? — выдохнула она.

— Спасаюсь.

— От чего?

— От тебя.

Она посмотрела на него и снова не выдержала — рассмеялась. И именно этот смех, короткий, тёплый, окончательно добил всё, что ещё держалось на границе между игрой и желанием. Арсений посмотрел на неё так, как смотрел только на неё одну, и Вера почувствовала: сейчас всё лишнее окончательно исчезнет. Она потянула его к себе. Он опустился рядом. И дальше слова были не нужны. Только прикосновения — быстрые, точные, знакомые до последней линии тела. Только дыхание. Только этот их общий, давно прожитый и всё ещё живой жар. И тихий, внезапно счастливый смех Веры, когда он, чуть отстранившись, снова посмотрел на неё и сказал:

— Всё-таки домашняя одежда — гениальная вещь.

Она провела пальцами по его лицу и улыбнулась ему так, как улыбалась только ему.

— Заткнись.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что ты слишком близко.

Она притянула его к себе снова, и в квартире исчезло всё, кроме них двоих.

Телефон завибрировал. Марина. Видеозвонок.

— Покажите.

Вера повернула экран. Марина внимательно посмотрела материал. Как хирург на рентген.

— Неплохо.

— Это комплимент?

— От меня — огромный.

— Спасибо.

— Но Арсений выглядит слишком умным.

— Что?

— Сделайте его человечнее.

Арсений возмущённо посмотрел в камеру.

— Марина, это дискриминация.

— Арсений, тебя любят именно за это.

— За интеллект?

— Нет. За то, что ты выглядишь умным, а потом рассказываешь ерунду.

Вера согнулась от смеха.

— Вот. Это оставьте, — сказала Марина. — Именно такое нужно.

Она отключилась. Арсений покачал головой.

— Удивительная женщина.

— Поэтому она и работает с нами восемь лет.

Съёмка продолжилась. К полудню они наконец закончили. Вера села за ноутбук отбирать материал. Арсений устроился рядом. На экране мелькали кадры. Улыбки. Шутки. Солнечный свет. Обычная семейная жизнь. Только чуть лучше собранная.

— Этот оставляем, — сказал Арсений.

— Почему?

— Здесь ты смеёшься по-настоящему.

— А в остальных?

— Тоже по-настоящему.

— Тогда разница?

Он посмотрел внимательнее.

— Здесь ты забыла про камеру.

Вера задержала взгляд на кадре. Потом нажала «выбрать». Телефон снова завибрировал. Марина уже прислала новые согласования. Новые предложения. Новые идеи. Работа продолжалась. А блог «Всё хорошо» жил своей обычной жизнью, превращая утро семьи Ланских в историю, которую через несколько часов увидят миллионы людей.

Вера устроилась за кухонным островом с ноутбуком. На экране открылась панель Виста.

Главная рабочая страница, которую она видела чаще, чем собственный паспорт. Сверху — название блога. «Всё хорошо». Под ним стояла цифра.

8 437 221 подписчик.

Вера помнила времена, когда их было пятьсот. Тогда она отвечала почти на каждый комментарий лично. Потом стало пять тысяч. Потом пятьдесят. Потом полмиллиона. После миллиона цифры начали терять смысл. Разница между миллионом и восемью миллионами ощущалась примерно так же, как разница между океаном и очень большим океаном.

Телефон завибрировал. Марина. Разумеется.

— Только не говори, что уже есть новые правки.

— Есть новые контракты.

— Это ещё хуже.

— Неправда. Контракты платят за школу Сони. И за робототехнику Мити. И за зайца Лизы.

Вера засмеялась.

— Заяц ничего не покупает.

— Откуда ты знаешь?

— Хороший вопрос.

На экране появилось уведомление. Новый рекламный запрос. Потом ещё один. И ещё. Марина присвистнула.

— Сегодня все словно сговорились.

— Что предлагают?

— Домашний текстиль. Кофе. Семейный отдых. Образовательную платформу. Страхование.

Вера застонала.

— Почему страхование?

— Потому что вы выглядите ответственными людьми.

— Мы вчера искали носок сорок минут.

— Подписчики об этом не знают.

— Очень жаль.

Марина рассмеялась.

— Именно поэтому вас любят.

— За что?

— Вы богатые, красивые и при этом постоянно теряете вещи.

— Звучит как диагноз.

— Это бренд.

После разговора Вера открыла статистику публикаций. Это была отдельная вселенная. Диаграммы. Графики. Охваты. Вовлечённость. Комментарии. Когда-то она ненавидела цифры.

Теперь могла определить настроение аудитории по одному взгляду на панель аналитики.

Самым популярным роликом недели оказался вовсе не рекламный проект. А короткое видео, где Лиза пыталась объяснить зайцу, почему нельзя есть пластилин. Пятьдесят семь миллионов просмотров. Вера покачала головой.

— Ты это видел? — крикнула она в сторону кабинета.

— Что именно? — отозвался Арсений.

— Лиза снова победила нас обоих.

— Это её обычный вторник.

Через минуту он появился на кухне. Сел рядом. Посмотрел на экран.

— Пятьдесят семь миллионов?

— Да.

— Когда она вырастет, мы будем работать на неё.

— Уже работаем.

Арсений внимательно просмотрел комментарии. Большинство были удивительно добрыми.

«Такая настоящая семья».

«Смотрю вас семь лет».

«Кажется, будто знаю вас лично».

«Спасибо за ощущение дома».

Вера задержалась на последнем сообщении. Таких было много. Очень много. Дом. Уют. Тепло. Семья. Это повторялось чаще любых других слов.

— Забавно, — сказала она.

— Что?

— Люди смотрят на нас, когда хотят отдохнуть.

Арсений кивнул.

— Потому что интернет давно стал местом, где все ругаются.

— А мы?

— Мы завтракаем.

— Очень амбициозная стратегия.

— Но работает.

Он был прав. Почти все крупные блогеры последних лет строили аудиторию на конфликтах. Скандалах. Разоблачениях. Политике. Спорях. Ланские никогда этого не делали.

Именно поэтому многие считали их скучными. А ещё больше людей — любимыми. Вера открыла страницу профиля. Большая семейная фотография. Арсений. Она сама. Соня. Митя. Лиза. Под фотографией: «Всё хорошо». Ни громких обещаний. Ни мотивационных лозунгов.

Ни советов стать лучшей версией себя. Когда-то Марина пыталась убедить их добавить что-нибудь более вдохновляющее. Арсений тогда сказал:

— Если людям нужен вдохновляющий текст, пусть читают Гайдара.

Марина два дня не разговаривала с ним. Потом признала, что это была хорошая фраза. Телефон снова зазвонил. На этот раз видеосвязь. На экране появилась Марина. Короткая стрижка. Яркая помада. Энергия человека, который способен организовать эвакуацию небольшой страны.

— Хорошие новости.

— Ты когда-нибудь звонишь без новостей?

— Нет.

— Я так и думала.

— Утренний ролик уже среди самых популярных.

— Серьёзно?

— Третье место.

Арсений поднял глаза.

— Кто на первом?

— Кот, который украл курицу.

— Достойный конкурент.

Марина засмеялась.

- На втором певец разводится в прямом эфире.
- Ещё более достойный конкурент.
- А на третьем ваш завтрак.
- Мне нравится эта компания.
- Да, и главное: Виста готовит большую презентацию нового продукта.

Вера подняла глаза.

— И?

— Они хотят видеть вас среди приглашённых.

— Просто среди приглашённых?

Марина улыбнулась.

— Пока да.

Арсений переглянулся с Верой. Подобные приглашения приходили постоянно. Виста давно была больше, чем социальной сетью. Для миллионов людей она стала привычной частью жизни. Там работали. Покупали. Общались. Смотрели новости. Вели бизнес. Строили репутацию. Для блогеров вроде Ланских Виста была почти отдельным государством.

— Когда презентация? — спросила Вера.

— Через неделю.

— Пойдём?

Арсений пожал плечами.

— Почему нет.

Марина удовлетворённо кивнула.

— Отлично. Тогда я подтверждаю.

Связь оборвалась. На кухне снова стало тихо. Вера снова открыла профиль. Когда-то всё это начиналось как способ делиться жизнью с друзьями. Потом превратилось в бизнес. Потом в целый мир.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она.

— Что?

— Я уже не помню момент, когда блог стал частью семьи.

Арсений посмотрел на экран. Потом на неё.

— Потому что он рос вместе с семьёй.

В кабинете звонил телефон.

Где-то в школе Соня наверняка спорила с учителями. Митя, вероятно, собирал очередного робота. Лиза рассказывала зайцу важные новости. Жизнь шла своим чередом. А блог «Всё хорошо» продолжал жить рядом с ней — уже не как хобби и даже не как бизнес. Как ещё один член семьи, которого никто никогда официально не приглашал, но который давно занял своё место за столом.

К семи вечера квартира Ланских наконец становилась просто квартирой. Не студией. Не офисом. Просто домом.

За окнами медленно зажигалась Москва. Сорок первый этаж всегда немного менял ощущение времени. Внизу город уже жил вечерней жизнью — машины ползли по улицам, в окнах напротив появлялся свет, люди возвращались домой. А здесь было тихо. Ну, настолько тихо, насколько вообще может быть тихо в квартире с тремя детьми.

На кухне пахло лососем и свежим хлебом. Вера стояла у духовки, когда Арсений вошёл с салатницей.

— Ты поставил таймер? — спросила она.

— Конечно.

Он поставил салат на стол.

— Я мужчина, который умеет пользоваться духовкой.

— Ты мужчина, который вчера двадцать минут пытался вручную включить кофемашину, хотя она у нас сама запускается через умный дом.

— Я проверял, не решила ли она жить своей жизнью.

— Она и так живёт своей жизнью.

— Слишком умная техника. Я хотел убедиться, что это не заговор.

Вера улыбнулась.

Они давно отказались от идеи, что настоящая семья должна каждый вечер готовить сложный ужин самостоятельно. У них были дети, работа, съёмки, встречи, контракты. И ещё одна маленькая деталь: иногда они просто хотели побыть только вдвоём.

Поэтому часть продуктов они заказывали у фирмы по доставке готовой домашней еды, с которой сотрудничали и для которой делали рекламу. Хорошие продукты, подготовленные ингредиенты, простые блюда, которые оставалось довести до готовности.

Сегодня было совсем просто: лосось, овощи и паста с сыром для детей.

— Кстати, — сказал Арсений, накрывая на стол, — я считаю, что мужчина, который умеет приготовить ужин за пятнадцать минут, достоин уважения.

— Ты не приготовил ужин.

— Почему?

— Потому что ты открыл духовку.

— Очень важный этап.

— Самый опасный?

— Самый ответственный.

Она засмеялась.

В этот момент в прихожей послышался звук ключа.

— Я дома!

Соня уже несколько месяцев приходила сама после школы и занятий по дизайну. В тринадцать она очень старалась выглядеть взрослой: сама выбирала одежду, сама планировала время, сама решала, когда ей нужен совет, а когда — чтобы все просто ушли.

Получалось не всегда.

— Привет, — сказала она, снимая куртку.

— Как день? — спросила Вера.

— Нормально.

Арсений даже не поднял головы.

— Перевод с подросткового?

Соня посмотрела на него.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но я знаю выражение лица.

Она положила планшет на стол.

— Ладно. Было не нормально.

— Вот теперь интересно, — сказала Вера.

Соня села.

— Мы показывали проекты.

— И?

— Учитель сказал, что мой слишком холодный.

Арсений посмотрел на экран.

— А что ты делала?

— Дизайн приложения.

— Почему холодный?

Соня пожала плечами.

— Потому что всё слишком аккуратно.

— Это плохо?

— Не знаю.

Она открыла файл.

— Он сказал, что иногда люди хотят видеть не только красиво, но и живо.

Вера посмотрела на неё внимательнее.

— А ты что думаешь?

Соня немного подумала.

— Думаю, он прав.

Для тринадцати лет это был почти взрослый ответ.

— Ого, — сказал Арсений. — Ты согласилась с учителем?

— Да.

— Запишите дату.

— Пап.

— Это исторический момент.

Соня улыбнулась.

— Ты невозможный.

— Но ты всё равно не показываешь мне проекты.

— Потому что мама объясняет нормально.

— Предательство в собственном доме.

В этот момент дверь снова открылась.

— Я сам!

Голос Мити был слышен раньше, чем он появился.

Алиса вошла вместе с Митей и Лизой. Митя тащил рюкзак и коробку с роботом, Лиза держалась за Алису и прижимала к себе большую куклу, завернутую в плед.

— Мы пришли, — объявил Митя.

— И очень устали, — добавила Лиза.

Алиса улыбнулась.

— Добрый вечер, — сказала она.

— Привет, — ответила Вера.

Лиза пыталась самостоятельно снять сапоги. Получалось сложно, но очень принципиально.

— Помочь? — спросила Алиса.

— Нет.

Через пять секунд:

— Помоги.

Алиса улыбнулась.

— Конечно.

Она посмотрела на Веру.

— В центре сегодня уже намного лучше. Лиза перестала капризничать, проситься домой. Уже привыкает. Поела хорошо, спала полтора часа. Потом решила объяснить воспитателю, что кукле нельзя лежать без пледа.

— Кукла замёрзла, — серьёзно сказала Лиза.

— Конечно, — сказала Вера.

Алиса улыбнулась.

— И ещё я загрузила фотографии за неделю. Там нужно будет вечером выбрать.

— Спасибо.

— Не за что. Завтра как обычно?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо.
Лиза помахала ей рукой.
— Пока, Алиса.
— Пока, Лиза.
— Я занял второе место.
Соня даже не повернулась.
— Я занял второе место.
— Мы поняли.
— Но вы ещё не спросили где.
Арсений сел за стол.
— Хорошо. Где?
Митя поставил рюкзак на пол.
— На робототехнике.
— Молодец.
— Мой робот почти выиграл.
— Почему почти?
Митя задумался.
— Потому что другой приехал первым.
Соня посмотрела на него.
— Это очень точное объяснение.
— Спасибо.
— Я не хвалила.
— Но звучало хорошо.
Вера поставила перед ним тарелку.
— Сначала руки.
— Я уже мыл.
— Когда?
— До того.
— До чего?
Митя задумался.
— До того, как пришёл.
Арсений тихо засмеялся.
— Вот это точно мой ребёнок.
— Почему? — спросила Вера.
— Потому что он спорит даже когда неправ.
Лиза залезла на свой стул и сразу посмотрела на всех.
— А я сегодня была доктолом.
— Правда? — спросил Митя.
— Да.
— Кого лечила?
— Всех.
— Даже папу?
Лиза посмотрела на Арсения.
— Папу надо лечить.
— От чего? — спросил он.
Она подумала.
— От лаботы.
Соня рассмеялась.
— Это правда.

— Эй, — сказал Арсений.

— Папа, ты вчера даже мультик смотрел с телефоном в руке, — сказала Соня.

— Я проверял новости.

— Во время мультика.

— Это были важные новости.

— Про что?

Он замолчал. Соня подняла брови.

— Поняла.

Вера улыбнулась.

За ужином они говорили обо всём сразу. Соня рассказывала про дизайн. Митя спорил с ней, что его робот всё равно «почти победил». Лиза пыталась накормить кусочком пасты свою игрушечную собаку, которую принесла за стол.

— Собака не ест макароны, — сказала Соня.

— Ест.

— Почему?

— Потому что я доктол и сказала.

Арсений кивнул.

— Сильный аргумент.

— Пап, не поддерживай её.

— Я уважаю уверенность.

— Ты сам её научил.

— Я многому хорошему учу.

— Например?

Соня посмотрела на него.

Он задумался.

— Не сдаваться.

Вера смеялась. И в какой-то момент поймала себя на том, что просто смотрит на них. На уже почти взрослую Соню. На Митю, который каждый день пытается стать старше. На Лизу, которая живёт в мире, где куклы могут замёрзнуть, а папу действительно нужно лечить от работы. Обычный вечер. Именно такие вечера она когда-то представляла, когда думала о счастливой жизни.

После ужина дети разошлись. Соня ушла заканчивать проект. Митя забрал робота. Лиза отправилась с Верой чистить зубы, но через минуту из ванной донеслось:

— Я сама!

Арсений улыбнулся.

Уложив Лизу в постель, Вера вернулась на кухню. На столе лежал телефон. Сообщения от Марины. Цифры. Комментарии. Письма. Она открыла экран. Закрыла. Из комнаты Лизы донёлся смех. У Мити снова что-то упало. Соня включила музыку. Вера посмотрела на город за окном, протянула руку к телефону и перевернула экраном вниз.

ГЛАВА 2

Вера заметила Марину ещё издалека.

Марина просто появлялась в пространстве так, будто оно было заранее согласовано с ней.

Высокие каблуки отстукивали по мрамору короткий уверенный ритм. Не громко. Ровно настолько, чтобы люди автоматически освобождали дорогу.

— Ребята, привет. Выглядите отпадно.

Это было типично марининское слово. Не «отлично», не «прекрасно». Именно «отпадно». Как будто она одобряла не внешний вид, а инвестиционную привлекательность проекта. Её взгляд скользнул по Вере.

Маленькое чёрное платье «Версаче». Тонкая золотая цепочка на шее. Волосы уложены вроде небрежно, но ровно настолько, сколько стоит хорошая небрежность.

— А ты сегодня решила никого не пожалеть?

— В смысле?

— Половина женщин в зале уже тебя ненавидит.

— Только половина?

— Остальные ещё не видели тебя со спины.

Вера рассмеялась. Арсений покачал головой:

— Вы хотя бы иногда разговариваете как нормальные люди?

— Нет, — одновременно ответили обе.

— Сегодня нас обещали вкусно кормить, поить и удивлять. И, судя по тому, кого здесь собрали, будет что-то необычное, — сказала Марина. — Смотрите, тут только киты индустрии. Она кивнула в сторону присутствующих.

У стойки регистрации по телефону говорила девушка из индустрии красоты. Очень красивая и очень уставшая.

— Я не капризничаю. Я уточняю. Это не одно и то же.

Чуть дальше стоял известный блогер о фитнесе с аудиторией под десять миллионов. В жизни он казался ниже, чем в роликах, но был удивительно хорошо сложен.

Неподалёку актриса, недавно получившая международную премию за роль в популярном сериале, беседовала с музыкантом, чьи песни последние два года не покидали мировые чарты. Оба выглядели так, словно позировали для обложки дорогого журнала.

Дальше, у кофейной станции, смеялся блогер-путешественник, который последние три года жил в самолётах чаще, чем дома. Светлый льняной пиджак и загар человека, постоянно меняющего континенты, создавали образ человека, для которого залы ожидания в аэропортах давно стали вторым домом.

— Если ещё хоть один человек спросит, где я сейчас живу, я официально отвечу: у выхода на посадку.

Знакомые лица были вокруг. В воздухе витал запах хорошего кофе и свежайшей выпечки. Марина протянула им бейджи.

— Готовы?

— К чему? — спросила Вера.

Марина посмотрела через стеклянные двери в главный зал, который постепенно заполнялся людьми.

— Сейчас узнаем, — сказала она.

Стеклянные двери разъехались бесшумно. Главный зал оказался значительно больше, чем казалось из холла. Без сцены. Без рядов кресел. Без огромных экранов с кричащими логотипами. Виста явно могла позволить себе любой масштаб. По залу были расставлены круглые столики на четыре-пять человек. Между ними свободно ходили официанты с подносами.

Кто-то пил кофе, кто-то шампанское, кто-то уже успел найти знакомых и увлечённо обсуждал последние новости. В центре стояла красиво подсвеченная высокая конструкция из прозрачного стекла. Люди с интересом поглядывали на неё.

— Они специально тянут время, — заметил Арсений.

— Конечно, специально, — сказала Марина. — Чем дольше ждёшь, тем интереснее, что покажут.

— Работает?

— А то.

Вера огляделась. За столом у окна она заметила известного финансового аналитика. В сети он объяснял инвестиции так, что даже бабушки на лавочках начинали обсуждать облигации. Рядом с ним сидела девушка, которая последние два года была лицом крупнейшего европейского косметического бренда. Чуть дальше — семейная пара, чьи ролики про отношения регулярно собирали десятки миллионов просмотров. Ещё дальше — популярный шеф-повар. Настоящий. Тот, у которого запись в ресторан расписана на три месяца.

— Интересная компания, — сказала Вера.

— Очень логичная, — ответил Арсений.

— Да?

— Они собрали людей, которые умеют превращать внимание в деньги.

Марина одобритительно посмотрела на него.

— Именно поэтому и нас позвали.

— Спасибо, — весело сказал Арсений.

— Это не комплимент.

— Я уже понял.

Постепенно разговоры начали стихать. Арсений заметил движение возле стеклянной конструкции в центре. Вера почувствовала знакомое ощущение. То самое, которое бывало перед выходом на сцену. Когда ещё ничего не произошло, но воздух уже изменился. Свет стал чуть мягче.

Разговоры окончательно смолкли. И только тогда на прозрачной конструкции впервые появился логотип Виста. Небольшой, скромный. Вера вдруг поняла, что нервничает. Такой вечер явно устраивали не ради презентации очередной функции.

В центре зала появилась женщина лет сорока в тёмно-сером брючном костюме.

— Добрый вечер, дамы и господа, — сказала она.

И зал одобритительно загудел. Её знали. Не все лично. Но все слышали. Когда-то она возглавляла один из крупнейших европейских видеосервисов, потом ушла создавать Висту вместе с командой специалистов по данным, рекламе и поведенческой аналитике. В сети её называли по-разному. Чаще всего — человеком, который продаёт людям их собственное внимание.

— Спасибо, что пришли. И спасибо, что не привели команды.

По залу прошёл смешок.

— Мы просили не приводить команды. Сегодня здесь только люди, которые принимают решения.

Она обвела взглядом аудиторию.

— Авторы. Владельцы брендов. Продюсеры. Управляющие партнёры.

Несколько человек переглянулись.

— Мы хотели поговорить именно с вами.

Она сделала паузу.

— За последние месяцы мы просмотрели тысячи проектов. Семейных. Образовательных. Спортивных. Стиль жизни. Красота. Путешествия.

Она посмотрела в зал.

— И в итоге пригласили тех, кто умеет делать самое сложное.

Пауза.

— Оставаться интересными не неделю. Не месяц. Годами.

Вера почувствовала, как Арсений чуть подался вперёд. Незаметно для других. Но она знала этот жест. Так он слушал, когда ему было действительно интересно. На экране за спиной женщины появились цифры.

Не просмотры. Не лайки. Не подписчики.

Время. Минуты. Часы. Дни.

— Средний крупный автор сегодня тратит около сорока процентов рабочего времени не на создание материалов.

Она нажала пульт. Цифры сменились.

— А на попытки угадать, чего аудитория захочет завтра.

По залу прошли смешки. Нервные. Узнающие.

— Остальные шестьдесят процентов уходят на производство того, что оказалось правильной догадкой.

— Если повезло, — сказал кто-то.

— Если повезло, — согласилась она.

Вера вдруг вспомнила прошлую осень. Три дня съёмок. Две недели подготовки. Команда. Фотограф. Стилист. Монтаж. Сложная постановочная реклама. А потом какой-то случайный ролик, где Лиза размазала малиновое варенье по столу, собрал в четыре раза больше просмотров и рекламодатель выбрал его. Она тогда смеялась. Потом злилась. Потом снова смеялась.

На экране появилась фотография. Девушка в кафе. Ничего особенного. Потом рядом вторая. Та же девушка. Тот же столик. Тот же кофе. Только снимок был чуть с другим ракурсом. Чуть теплее. Чуть живее. Настолько немного, что разница почти ускользала.

— Какую выберете?

Почти весь зал показал на вторую.

— Почему?

Молчание.

— Потому что она лучше, — ответила наконец девушка из индустрии красоты.

— Да.

— Потому что свет лучше.

— Да.

— Потому что кадр живее.

— Да.

Женщина улыбнулась. Впервые за весь вечер.

— Обе фотографии были созданы одной камерой.

Пауза.

— В одно и то же мгновение.

Вера нахмурилась.

На экране начали быстро сменяться изображения. Люди. Улицы. Путешествия. Ужины. Спорт. Семьи. Каждый раз по два варианта. Очень похожих. Но один почти всегда выигрывал.

— Последние годы мы учились понимать, что нравится людям.

Она остановилась.

— Теперь мы стараемся понять почему.

Арсений больше не улыбался. А женщина продолжила:

— Сегодня каждый из вас публикует только то, что считает лучшей версией момента.

— Разве это плохо? — спросил кто-то из зала.

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

Она посмотрела прямо на спрашивавшего.

— В том, что вы публикуете это слишком поздно.

В зале стало тихо. Не из-за ответа. Из-за того, что никто пока не понял его до конца.

— Пока вы выбираете лучший кадр, аудитория уже успевает захотеть что-то другое. Она сделала шаг вперёд. Совсем небольшой.

— Мир стал слишком быстрым для ручного управления вниманием.

Женщина улыбнулась.

На экране появилась новая цифра.

72%

— Семьдесят два процента материалов, которые создают крупные авторы, никогда не видит аудитория.

По залу прошёл лёгкий шум. У каждого здесь были папки, жёсткие диски, облака и архивы того, что так и не было опубликовано.

— Вы производите значительно больше материалов, чем способны использовать.

— Это называется запас, — заметил кто-то.

— Это называется потеря ресурса, — мягко возразила она.

Марина тихо, почти без эмоции:

— Они продают ощущение потерь.

Арсений:

— Нет. Они продают ощущение, что потерь можно не допускать.

И здесь она наконец сказала это. Спокойно. Как будто речь шла не о будущем платформы, а о логичном обновлении инструмента.

— Система фиксирует всё, что вы создаёте. Не только опубликованное.

В зале не было реакции. Потому что это звучало ... удобно.

— И предлагает вам не лучший кадр.

Она сделала лёгкий жест рукой.

— А лучший момент.

Тишина стала плотнее.

— Вы по-прежнему решаете, что показывать.

Пауза.

— Но теперь вы видите, что вы теряли, пока выбирали.

Вера увидела, что люди перестали воспринимать это как презентацию. Они начали считать. Каждый своё. Деньги. Охваты. Контракты. Риски. Возможности.

Марина, сидевшая рядом, взяла бокал шампанского. Сделала маленький глоток. И тихо сказала, не отрывая взгляда от сцены:

— Вот теперь они начали продавать продукт.

Арсений ответил ещё тише:

— Нет.

Он смотрел на экран.

— Пока только проблему.

И именно в этот момент Вера поняла, почему здесь собрали именно этих людей. Все они зарабатывали на внимании. А значит, были достаточно умны, чтобы почувствовать опасность. И достаточно амбициозны, чтобы захотеть её купить.

Женщина оглядела зал и улыбнулась.

— Знаете, что нас удивило больше всего?

Она обвела взглядом зал.

— Не данные. Не технологии. Не скорость обучения модели.

На экране появились фотографии присутствующих, предоставленные самими авторами для мероприятия. Обычные рабочие кадры. Съёмки. Перелёты. Монтажные. Гримёрки. Ранние подъёмы. Телефоны в руках.

— Нас удивили вы.

По залу прокатился лёгкий смешок. Кто-то театрально закатил глаза.

— Нет, серьёзно.

Она подняла руку.

— За последние десять лет именно вы создали новую профессию. Причём без инструкции.

Кто-то за соседним столиком поднял бокал. Несколько человек засмеялись.

— Вам пришлось самостоятельно разбираться в том, чего раньше просто не существовало. Как разговаривать с миллионами людей каждый день. Как не выгореть. Как строить бизнес вокруг собственной личности. Как оставаться интересными дольше одного сезона.

На этот раз смеха не было. Слишком узнаваемо.

— Многие до сих пор считают, что вы продаёте фотографии и видео.

Она покачала головой.

— Это давно не так.

На экране появились цифры. Миллионы. Десятки миллионов. Сотни миллионов.

— Вы формируете привычки. Вы задаёте новые тенденции. Вы влияете на решения о покупках, путешествиях, образовании, спорте, стиле жизни. Иногда быстрее, чем крупнейшие медиакомпании мира.

Тревел-блогер возле окна негромко присвистнул:

— Наконец-то кто-то это сказал.

— Поэтому сегодняшний вечер — не презентация для рынка.

Она выдержала паузу.

— Это презентация для людей, которые этот рынок создают.

И вот теперь в зале стало совсем тихо. Потому что каждый любил слушать про собственную исключительность. Но каждый также понимал, когда ему льстят слишком откровенно. Сейчас это ощущалось иначе. Как констатация.

На экране появилась цифра:

120

— Из нескольких тысяч кандидатов мы пригласили сто двадцать авторов и управляющих партнёров.

Следующая цифра:

50.

— После личных сессий в пилот войдут около пятидесяти проектов.

Лёгкое движение в зале. Совсем небольшое. Но Вера его почувствовала. Как изменение температуры. Пятьдесят. Это уже не рекламный ход. Это дефицит.

— Пилот продлится три месяца. За это время участники получают ранний доступ ко всем инструментам Виста Стрим, персональную поддержку команды, приоритетное развитие функций под свои задачи и эксклюзивные коммерческие программы с брендами-партнёрами платформы.

На экране быстро сменились логотипы. Несколько человек заметно оживились. Некоторые бренды были настолько крупными, что обычно не участвовали в публичных пилотах вообще.

— Что потребуется от участников?

Она улыбнулась.

— Гораздо меньше, чем вы привыкли.

По залу прошёл смешок.

— Мы не просим публиковать больше. Не просим менять стиль. Не просим перестраивать ваши проекты.

Она слегка развела руками.

— Мы просим только одно. Разрешить системе учиться рядом с вами.

На этот раз никто не засмеялся. Но и тревоги не возникло. Пока это звучало разумно.

— Сегодня мы ответим только на самые общие вопросы. Все детали участия, настройки приватности, условия выхода из пилота, работа с семьями, детьми, брендами и существующими контрактами будут обсуждаться на индивидуальных встречах.

Она посмотрела на часы. Потом снова на зал.

— А сейчас...

В её голосе появилось что-то похожее на удовольствие.

— Предлагаю перейти к той части программы, ради которой большинство из вас согласилось приехать.

В дальней части зала медленно открылись двери в банкетное пространство. И по аудитории почти одновременно прокатилась волна движения.

Двери в соседний зал открылись почти бесшумно. И сразу стало понятно, куда ушла половина бюджета презентации. Вера даже остановилась. Её трудно было удивить красивым мероприятием. За последние семь лет она видела всё: от красных дорожек Каннского фестиваля до закрытых ужинов на яхтах у побережья Монако, где люди тратили больше денег на цветы в вазах, чем некоторые семьи на квартиру. Но здесь было сделано именно то, что она любила больше всего. Дорого настолько, что никому не нужно было это доказывать.

Высокие окна от пола до потолка открывали вечернюю Москву — тёмную, блестящую, немного театральную. Белые скатерти, серебро, живые цветы в высоких прозрачных вазах. Тёплый свет, правильно подобранная музыка, под которую не надо кричать собеседнику прямо в ухо, делая вид, будто вы прекрасно слышите друг друга. Здесь можно было разговаривать, что в современном мире стало настоящей роскошью.

А еда...

Вера остановилась возле стола и посмотрела на тарелки. Настоящая еда. Не художественная инсталляция размером с почтовую марку, которую сначала нужно сфотографировать, потом изучить, а потом спросить у официанта, что именно ты сейчас съел.

— Слава богу, — выдохнула она.

Арсений, стоявший рядом, усмехнулся.

— Ты это уже говорила на прошлой неделе в ресторане.

— Там были углеводы.

— И что?

— Здесь устрицы.

Вера взяла бокал.

— Это разные эмоции.

Арсений рассмеялся.

Марина, стоявшая напротив, только покачала головой.

— Иногда я думаю, что ваша семейная философия строится вокруг еды.

— Нет, — сказала Вера. — Вокруг хорошей еды. Это совсем другое.

Марина хотела что-то ответить, но в этот момент её взгляд переместился за плечо Веры.

— Кажется, к нам идут.

Вера обернулась. К ним направлялась высокая женщина в белом костюме. Она шла быстро, уверенно, как человек, который действительно рад кого-то увидеть. Вера узнала её раньше, чем вспомнила имя. Бывает такое. Лицо приходит первым. Потом уже память догоняет.

— Господи.

Женщина остановилась перед ней.

— Вера Ланская существует.

— Пока да.

— Я была уверена, что тебя уже полностью оцифровали.

Они рассмеялись и обнялись.

— Рита.

— Семь лет.

— Не начинай.

— Семь лет.

— Рита.

— Хорошо.

Она сделала вид, что подумала.

— Шесть с половиной.

Это была ложь. И обе это знали. Рита когда-то была одним из самых ярких лиц телевизионной индустрии, потом ушла в собственный проект, который через несколько лет вырос в полноценный медиабизнес. Она умела одинаково легко разговаривать и с режиссёрами, и с инвесторами, и с людьми, которые случайно оказались рядом и могли оказаться полезными через пять лет.

Через пару минут вокруг них уже стояла небольшая компания. Кто-то подходил. Кто-то уходил. Всё было как всегда на таких мероприятиях. Разговоры перескакивали с одной темы на другую. Канн. Новые алгоритмы продвижения. Чьи-то дети, которые внезапно решили, что хотят стать актёрами. Новые налоги. Безумные цены на съёмочные группы. Провалившийся рекламный запуск известного бренда, о котором все уже знали, но официально ещё никто не говорил.

— Самое смешное, — рассказывал кто-то из присутствующих, — что они три месяца утверждали концепцию естественности.

— И?

— Потом попросили удалить все фотографии, где продукт выглядел недостаточно идеально.

Марина усмехнулась.

— Классика.

В такие моменты Вера особенно чувствовала, насколько странной стала их индустрия. Все продавали настоящую жизнь и одновременно пытались контролировать каждый её пиксель. Наверное, поэтому Виста Стрим появился сейчас: люди устали от собственной усталости.

Через некоторое время кто-то вдруг поставил бокал на стол и сказал:

— Ладно. Я одна ничего не поняла?

Наступила короткая пауза. А потом все засмеялись. Не вежливо. Облегчённо.

— Нет.

— Отлично.

— Я поняла примерно процентов сорок.

— Я двадцать.

— Я семь.

— А я вообще отвлеклась на шампанское.

— Это тоже стратегия.

— Очень плохая.

— Но приятная.

Снова смех.

Рита посмотрела вокруг.

— Нет, серьёзно.

Она взяла бокал.

— Допустим, технология отличная.

Допустим. Она подняла палец.

— Но почему все вокруг уже ведут себя так, будто попасть в эти пятьдесят мест — это подарок судьбы?

— Потому что люди любят закрытые клубы.

— Потому что людям нравится, когда их выбирают.

— Потому что люди любят говорить, что им всё равно, когда им совсем не всё равно.

— Спасибо, Арсений.

Рита посмотрела на него.

— Очень неприятная правда.

— Обращайся.

Несколько человек улыбнулись. Потому что это действительно было правдой. Но через секунду разговор стал серьезнее.

— Меня другое интересует, — сказал мужчина из финансового сегмента. Спокойно, без желания выглядеть самым умным в комнате.

— Что?

— Зачем это нам?

И впервые за весь вечер разговор действительно изменился. Не потому что вопрос был сложным. Потому что он был правильным.

— Время, — ответила женщина из индустрии красоты. Все посмотрели на неё.

— Что?

— Если они хотя бы наполовину выполняют обещанное, они продают время.

Она пожала плечами.

— Я трачу часов пятнадцать в неделю только на согласования. Ещё столько же на просмотр материалов.

— У нас больше.

— У нас тоже.

— У нас половина команды занята тем, чтобы понять, что людям понравится через месяц.

Теперь говорили уже несколько человек. И Вера слушала. Потому что впервые слышала не восторг, а реальные мысли. Никто не говорил о миллионах подписчиков. Никто не говорил о красивом будущем. Люди говорили о времени. О том, что они устали. О том, что успех иногда становится второй работой. И о том, сколько они готовы отдать, чтобы снова получить хотя бы часть обычной жизни. Даже если платить придётся не деньгами.

— Но если они получают столько данных о нас... — сказал кто-то.

— Где граница?

— Вот.

Сразу откликнулись несколько голосов.

— Это главный вопрос.

— Всегда есть цена.

— Просто иногда её называют преимуществом.

Эту фразу Вера запомнила.

Марина обнаружилась возле высокого круглого столика. Одна. С планшетом. Разумеется. Вера даже не удивилась.

— Ты работаешь?

Марина подняла взгляд.

— Нет.

— Хорошо. Да.

— Марина.

— Что?

— Мы на фуршете.

— Именно.

— И?

Марина показала экран.

— Я составила список вопросов.

— Уже?

— Их тридцать семь.

Вера закрыла глаза.

— Господи.

— Тридцать девять.

Я вспомнила ещё два.

— Какие?

— Архивы. И права после завершения пилота.

Вера посмотрела на неё и рассмеялась.

— Иногда мне кажется, что ты родилась с контрактом в руках.

— Нет.

Марина была совершенно серьёзна.

— Я родилась с желанием все перепроверить дважды.

Это было настолько в её стиле, что Вера даже не нашлась что ответить. Она посмотрела на список. Приватность. Права на данные. Условия выхода. Дети. Существующие рекламные контракты. Эксклюзивность. Коммерческие условия. Хранение материалов. Ответственность. Передача прав.

— Всё. — Вера подняла руки, — Мне страшно.

— Хорошо.

Марина спокойно закрыла планшет.

— Значит, ты понимаешь, что это важно.

— А если ответы будут плохими?

Марина пожала плечами.

— Тогда это просто очень дорогое мероприятие с прекрасными устрицами.

Вера рассмеялась. За это она и любила Марину. Не только за эффективность. Не за память, в которой хранилось всё — от дат контрактов до имён помощников людей, которых они встречали три года назад. За способность одной фразой вернуть любую красивую идею на землю.

Через некоторое время возле центральной лестницы появился представитель Виста. Он не стал ждать полной тишины.

— Простите, что отвлекаю. Всего минуту.

Зал постепенно успокоился.

— Благодарим вас за сегодняшний вечер. Завтра начинаются индивидуальные встречи. Расписание уже отправлено каждому приглашённому. Если потребуется изменить время — наша команда поможет.

Он сделал небольшую паузу.

— И ещё одна деталь.

Люди снова посмотрели на него.

— По итогам встреч мы пригласим в пилотный проект пятьдесят участников.

Несколько человек переглянулись.

— Но участие возможно только при взаимном согласии. Если после личной встречи вы решите, что проект вам не подходит, никаких обязательств не возникает.

Вера заметила, как изменилась атмосфера. Совсем немного. Люди расслабились. Потому что им вернули ощущение выбора.

— Ещё раз спасибо за вечер. Увидимся.

Аплодисменты были короткими. Все думали уже не столько о презентации. О вопросах. О возможностях. О рисках. О том, стоит ли сделать ещё один шаг. Или остаться там, где всё давно понятно.

Алексей появился возле их столика уже после того, как первая волна гостей разбрелась по залу. Лет тридцать пять максимум. Светлосерый пиджак. Белая рубашка. Без галстука. Без попыток выглядеть старше или солиднее. Вера сначала даже не поняла, что это один из основателей Виста. Скорее похож на человека, который только что вышел из монтажной или студии подкаста.

— Вера?

Он улыбнулся.

— Простите, что отвлекаю. Я Алексей. Один из тех людей, из-за которых вам сегодня пришлось слушать длинную презентацию.

— Тогда претензии сразу к вам.

— Принимается.

Арсений рассмеялся.

— Если честно, — сказал Алексей, — я ваш блог читаю лет пять. Точнее, сначала читала жена. Пересказывала мне. Потом я начал читать сам.

— Непростой путь.

— Зато честный.

Он посмотрел на Веру.

— Мне всегда нравилось, что у вас получается делать сложные вещи нормальными. Не героическими. Не идеальными. Нормальными.

Вера неожиданно смутилась. Это был не комплимент инвестора. Это был комплимент человека, который действительно смотрел.

Некоторое время они говорили о детях, старых проектах и людях, которых оба знали. И только потом Алексей перевёл разговор.

— Ну что. Самый главный вопрос. Вы нас уже ненавидите или ещё нет?

— Пока не решили.

— Отлично. Значит всё идёт по плану.

Марина поставила бокал на стол.

— Тогда объясните Виста Стрим человеческим языком. Не инвесторским. Не рекламным. Человеческим.

— Хорошо. Представьте, что всё, что вы снимаете сегодня, — огромный склад. Вы снимаете больше, чем публикуете. Намного больше. У большинства присутствующих публикуется примерно три-пять процентов отснятого материала. Остальное умирает в архивах.

Все кивнули. Это была правда.

— Виста Стрим работает не с опубликованными материалами. А с жизнью до публикации. Система видит весь поток материалов. Фото. Видео. Голосовые заметки. Черновики. И начинает искать истории.

Вера нахмурилась.

— Подождите. То есть я должна фотографировать больше?

— Нет. Скорее наоборот. Вы уже фотографируете больше. Просто не используете большую часть материала.

Это был хороший ответ. Слишком хороший. Арсений заинтересованно подался вперёд.

— И что мы получаем? Кроме очередной папки с аналитикой.

На этот раз Алексей улыбнулся по-настоящему.

— Время.

— Это уже было на сцене.

— Потому что это правда.

Он пожал плечами.

— Сейчас с вашими материалами работает команда. Отбор. Монтаж. Планирование. Аналитика. Поиск тем. Согласования. Виста Стрим забирает примерно семьдесят процентов этой рутины.

Марина сразу вмешалась.

— Семьдесят процентов — красивая цифра. Что конкретно?

— Планирование публикаций. Анализ аудитории. Поиск тем и рекламных окон. Тестирование вариантов подачи.

— То есть фактически цифровой продюсер?

— Скорее продюсерская команда.

Арсений переглянулся с Верой. Это уже звучало ощутимо. Потому что на подобные задачи у них уходили огромные деньги.

— А решения принимает система?

— Нет, — сразу ответил Алексей. — Система предлагает. Человек решает.

— Пока, — негромко сказала Марина.

Алексей услышал.

— Пока. Поэтому и нужен пилот.

— А разве вы уже не понимаете, как люди будут этим пользоваться? — спросил Арсений.

Алексей улыбнулся.

— Если бы понимали, пилот был бы не нужен. Разработчикам вообще свойственно считать удобным то, что удобно им.

— А людям? — спросила Вера.

— Люди потом объясняют, где мы ошиблись.

— Очень удобная система, — сказала Марина.

— Для вас или для нас?

— Для меня. Я люблю, когда кто-то ещё признаёт ошибки.

Алексей рассмеялся.

— Вот поэтому вы здесь.

— А что получают участники пилота кроме доступа? — спросила Вера.

— Бесплатное использование полной версии системы. Личный куратор. Приоритет в разработке функций. Влияние на продукт. Доступ к новым инструментам раньше рынка. И специальные коммерческие условия после запуска.

Марина моментально ухватила за последнее.

— Какие именно?

— Для пилотной группы они фиксируются навсегда.

Вот это было уже интересно. Очень.

— То есть если система выстрелит... — начал Арсений.

— Вы останетесь на условиях пилота.

Марина медленно кивнула. Она явно считала цифры быстрее остальных.

— Теперь главный вопрос, — сказала Вера. — Где подвох?

Алексей рассмеялся. Похоже, этот вопрос задавали все.

— Подвох очень простой. Нам нужны люди вашего уровня. Настоящие. Разные. С большой аудиторией. С разными сегментами. Семьи. Путешествия. Красота. Финансы. Еда. Спорт. Чтобы понять, как система работает в реальной жизни.

— Поэтому пятьдесят?

— Поэтому пятьдесят. Сто двадцать приглашённых. Пятьдесят участников. Нам важнее качество наблюдения, чем количество.

Марина впервые за весь разговор выглядела почти довольной.

— Хорошо. Допустим. Просто обычно, когда что-то выглядит слишком хорошо, потом выясняется, что есть вторая сторона.

Алексей кивнул.

— Есть.

— Какая?

Он не ответил сразу. И эта пауза понравилась Вере больше, чем любой красивый ответ. Потому что человек, который отвечает мгновенно на сложные вопросы, обычно уже давно подготовил не сам ответ, а формулировку.

— Вторая сторона в том, что Виста Стрим становится частью вашего рабочего процесса.

— То есть?

— Вы отдаёте системе больше информации, чем обычному приложению.

Марина сразу посмотрела на него. Вот. Именно этот момент она ждала.

— Какой информации?

— Зависит от ваших настроек.

— То есть не всё обязательно?

— Нет.

Алексей покачал головой.

— В этом и смысл. Виста Стрим не должен заставлять человека отдавать больше, чем он готов.

— Но система должна что-то видеть.

— Да.

— Иначе она не работает.

— Да.

— Тогда где граница?

Алексей посмотрел на Марину.

— Граница там, где её устанавливает пользователь.

— Красиво.

— И сложно.

— Вот.

Марина кивнула.

— Потому что красивые ответы обычно самые трудные в реализации.

Алексей улыбнулся.

— Поэтому мы и потратили столько времени не только на алгоритмы, но и на настройки.

— Например? — спросил Арсений.

— Например, дети.

Вера сразу стала внимательнее. Не потому что вопрос был неожиданным. Наоборот. Она ждала его.

— Для семейных аккаунтов это отдельный блок.

Алексей говорил уже спокойнее. Без прежней лёгкости. Потому что понимал: сейчас речь не о блогинге.

— Каждый член семьи имеет свой уровень участия. Дети младшего возраста не имеют собственного профиля. Они могут появляться только в семейной ленте родителей, если родители разрешили это в настройках.

— А подростки? — спросила Вера.

Алексей кивнул.

— С четырнадцати лет возможен отдельный профиль, но не такой, как у взрослого пользователя.

Марина сразу подняла взгляд.

— Что значит не такой?

— Подростковый режим. Дополнительные ограничения. Более строгие настройки приватности. Родители сохраняют возможность контролировать участие в пилоте, но не получают полный доступ ко всему личному содержанию ребёнка.

— То есть вы разделяете контроль и наблюдение? — спросил Арсений.

— Именно. Мы считаем, что четырнадцать лет — это возраст, когда человек начинает формировать собственную цифровую историю. Но это не означает, что он уже должен иметь полностью взрослую цифровую среду.

— А после восемнадцати? — спросила Вера.

— После достижения совершеннолетия настройки переходят к самому человеку. Он сам решает, хочет ли продолжать участие.

— А как вообще работает участие? — спросила Марина. — Что именно нужно делать каждый день?

— Во время пилота мы выдаём участникам комплект Виста. Приложение и браслет для пользователей старше четырнадцати лет.

— То есть браслеты только у взрослых?

— У взрослых и подростков, которые достигли установленного возраста участия. Младшие дети входят только через семейный профиль родителей.

Вера кивнула. Это звучало разумно.

— И его нужно постоянно носить?

Алексей чуть улыбнулся.

— Это один из самых частых вопросов.

— Потому что он самый очевидный.

— Конечно. Но нет, это не обязательное круглосуточное условие. Мы рекомендуем сохранять подключение большую часть времени, если человек хочет получить полный опыт работы системы. Но браслет можно снять. Можно отключить отдельные режимы. Можно поставить паузу.

— Тогда как система понимает, что происходит? — спросил Арсений.

— За счёт сочетания нескольких источников. Устройство фиксирует контекст, а не просто записывает всё подряд.

Марина сразу подняла взгляд.

— Вот это нужно объяснить подробнее.

Алексей кивнул.

— Виста Стрим не работает как камера наблюдения. Нет непрерывной записи всего, что происходит вокруг человека. Устройство сохраняет технический буфер, чтобы система могла понять начало события, а не только его конец. Если момент не соответствует настройкам пользователя и не выбран для сохранения, он не становится частью архива.

— То есть, например, если мы едем с детьми на прогулку?

— Система может заметить событие. Например, необычную активность, эмоционально значимый момент, семейное взаимодействие. Дальше всё определяется вашими фильтрами. Если момент входит в разрешённые категории, Стрим может сохранить, оформить и опубликовать его автоматически.

Вера ещё раз посмотрела на ролик.

— Подождите. То есть мне не нужно каждый раз нажимать «опубликовать»?

— Нет. Только если вы сами включите режим предварительного подтверждения.

— А подпись?

— Система сформирует её сама.

Марина подняла глаза.

— Сформирует — или решит, что здесь произошло?

Алексей посмотрел на неё.

— В каком смысле?

— Ну вот система выбрала смешной семейный момент. А если человек в этот момент был злой? Или они за минуту до этого поссорились?

Вера кивнула.

— Видео может мне нравиться, а подпись — нет.

— Конечно.

— Тогда интерпретация должна настраиваться отдельно, — сказала Марина.

Алексей кивнул.

— Настройки содержания и оформления разделены.

Марина снова посмотрела на экран.

— Хорошо.

— И сколько таких моментов вообще появляется? — спросила Вера.

— Для пилота мы рассчитываем примерно на естественный поток: несколько фотографий и коротких видео в течение дня. Не нужно специально превращать жизнь в съёмку.

— Сколько конкретно?

Марина, конечно, не отпустила.

Алексей рассмеялся.

— Вы не дадите мне уйти без цифр.

— Нет.

— В среднем пять-десять фотографий в день и несколько минут видео. Но это не отчётность. Мы не хотим, чтобы человек начинал думать: «Мне нужно выполнить норму».

— Потому что тогда это уже не жизнь.

— Именно.

Он посмотрел на Веру.

— Главная идея Виста Стрим в том, что большинство людей уже создают огромное количество материала. Просто девяносто процентов никогда не используется.

Вера задумалась. Это было правдой. У каждого в телефоне лежали годы жизни, которые никто никогда больше не увидит.

— А если человек не хочет, чтобы какой-то момент попал в систему?

— Он может запретить сохранение заранее или удалить связь с конкретным событием через настройки.

— Удалить совсем?

Марина задала вопрос спокойно, но Вера заметила, что Алексей чуть изменился в лице. Не испугался. Скорее стал осторожнее.

— Если речь о черновом материале, который не был опубликован и не вошёл в общий архив, да. Если событие уже было сохранено, обработано или опубликовано, это регулируется отдельными правилами.

— То есть удалить всё одной кнопкой нельзя?

— Не всегда.

Наступила короткая пауза.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что цифровая память сложнее обычной. Если материал уже использован, появились копии, связанные публикации, реакции аудитории, нельзя сделать вид, что этого никогда не существовало.

Эта мысль почему-то показалась ей неприятной.

— А старые материалы?

— Это будет отдельный процесс согласования.

Вера посмотрела на него.

— То есть нельзя просто сказать: «Это семейный архив, мы сами решаем»?

— Нет. Потому что человек имеет право на собственную цифровую историю.

Собственная цифровая история. Странное выражение. Ещё десять лет назад у человека была просто память. Теперь у него появлялась история. Которую кто-то мог собрать. Разложить. Проанализировать.

— Хорошо, — сказал Арсений. — Теперь неприятный вопрос.

Алексей улыбнулся.

— Я уже понял, что у вас они будут.

— Если Виста Стрим что-то создал. Например, нашёл историю. Предложил публикацию. Сделал подборку. Кому это принадлежит?

Алексей ответил сразу.

— Вам.

— Не Виста?

— Нет.

— Даже если система это нашла?

— Да.

— Даже если она обработала?

— Да.

— А если она улучшила?

— Улучшение не означает владение.

Арсений кивнул. Это был ответ, который ему явно понравился. Не потому что он был удобным. Потому что был понятным.

Марина снова открыла заметки. Вера посмотрела на неё.

— Ты сейчас добавляешь вопросы?

— Нет.

— А что?

— Убираю.

— Серьёзно?

— Да.

— Почему?

Марина посмотрела на экран.

— Потому что на часть уже ответили.

Это было почти признание. Почти. Для Марины это считалось эмоциональным всплеском. Вера улыбнулась. Алексей рассмеялся.

— Теперь я понимаю, почему ваш блог столько лет работает.

— Почему?

— Потому что у вас даже внутренний аудит с юмором.

— Это не аудит, — сказала Марина. — Это здравый смысл.

— Конечно.

Алексей кивнул.

— Просто у некоторых людей он оформлен в таблицу.

Они ещё долго стояли у этого столика. Говорили. Спрашивали. Возвращались к тем же темам с другой стороны. И чем больше Алексей объяснял, тем меньше Виста Стрим выглядел как волшебная кнопка. И тем интереснее становился. Потому что волшебные кнопки обычно существуют только в презентациях. Через несколько минут Алексей посмотрел в сторону зала.

— Мне нужно идти. Меня уже ищут.

— Видимо, ещё кто-то хочет задать неудобные вопросы, — сказала Марина.

— Надеюсь.

— Надеетесь?

— Да.

Он улыбнулся.

— Удобные вопросы редко помогают сделать хороший продукт.

Он попрощался и ушёл. Вера смотрела ему вслед.

— Ну?

Арсений повернулся к ней.

— Что?

— Твоё мнение.

Он немного подумал.

— Мне интересно.

— Это осторожный ответ.

— Потому что я осторожный человек.

— Ты?

Вера посмотрела на него.

— Ты вчера купил электромобиль после одного тест-драйва.

— Это было другое.

— Конечно.

— Там была хорошая презентация.

— Вот.

Они оба рассмеялись. Марина молча допила воду. Потом сказала:

— Ладно.

— Что?

— Теперь я официально считаю, что надо идти на личную встречу.

Вера удивлённо посмотрела на неё.

— Ты?

— Да.

— А где часть «я найду, почему это плохая идея»?

Марина убрала телефон.

— Уже ищу. Просто пока не нашла.

И впервые за весь вечер они рассмеялись одновременно.

Огни отражались в мокром асфальте. Редкие машины скользили по широким проспектам. В окнах домов кто-то ещё жил своей жизнью — укладывал ребёнка спать, смотрел старый фильм, мыл посуду после позднего ужина. Вера смотрела в окно машины и молчала. Арсений тоже. Что было необычно. Обычно после таких вечеров они начинали обсуждать всё сразу. Кто что сказал. Кто выглядел странно. Кто перебрал с шампанским. Кому нужно написать завтра. Какие выводы сделать. Но сейчас оба словно не хотели первыми нарушать тишину. Слишком многое осталось внутри.

— Ну?

Наконец сказал Арсений. Вера даже улыбнулась.

— Что «ну»?

— Ты всегда начинаешь с этого.

— С чего?

— Когда у тебя в голове уже двадцать мыслей, но ты ещё выбираешь, какую озвучить первой.

— Неправда.

— Правда.

Она посмотрела на него.

— Ты сейчас используешь против меня мои же привычки?

— Я женат двадцать лет.

— Четырнадцать.

— Тем более.

Он улыбнулся. Вера снова посмотрела в окно.

— Мне понравился Алексей.

— Мне тоже.

— Не ожидала.

— Почему?

— Не знаю.

Она задумалась.

— Наверное, я ждала кого-то другого.

— Кого?

— Человека из большого бизнеса.

— А он оказался таким простым.

— Да.

Она тихо рассмеялась. Несколько секунд они ехали молча. Потом Арсений сказал:

— Ты заметила, что он почти не продавал?

— Да.

— Он больше спрашивал.

— Потому что ему действительно интересно.

Вера повернулась к нему.

— Или потому что это хороший приём.

Арсений улыбнулся.

— Вот поэтому я тебя люблю.

— За подозрительность?

— За то, что ты можешь одновременно поверить человеку и проверить, не врёт ли он.

— Удобное качество для брака.

— Очень.

На светофоре машина остановилась. Вера посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. На секунду ей показалось, что она видит не себя сегодняшнюю. Другую женщину. Моложе. С другой жизнью. До детей. До блага. До миллионов просмотров. Без постоянного ощущения, что за ней кто-то наблюдает. Она моргнула. Отражение снова стало её собственным.

— Знаешь, что меня зацепило? — сказала она.

— Что?

— Он сказал: «Вы уже снимаете больше. Просто девяносто процентов этого никогда не используется».

Арсений кивнул.

— Потому что это правда.

— Да.

Она задумалась.

— Иногда мне кажется, что у нас вся жизнь где-то лежит. В архивах. В телефонах. В облаках. Мы всё время что-то сохраняем. Но почти никогда не возвращаемся.

— Может, поэтому люди любят старые фотографии.

— Возможно.

Она улыбнулась. Арсений кивнул.

— Сейчас у нас двадцать тысяч фотографий.

— И мы почти ничего не смотрим.

Это повисло между ними. Не как тревога. Скорее как тихое узнавание. Потому что Вера вдруг вспомнила совсем другой вечер. Не сегодняшний. Не этот город за окном с его огнями, пробками и миллионами людей, которые куда-то спешили.

Италию. Май.

Иногда Вера думала, что память — довольно капризная вещь. Она совершенно не считается с тем, что человеку кажется важным, и сама решает, что сохранить навсегда, а что однажды растворить без следа.

Казалось бы, фильм «Зимний сад» должен был остаться с ней до последних дней во всех подробностях. Именно после него её начали узнавать на улицах, приглашать на съёмки, фотографировать для журналов и спрашивать мнение по вопросам, в которых она сама порой не слишком разбиралась. Но стоило ей попытаться вспомнить тот период, как в голове вспыхивали лишь отдельные картинки: огромный зал кинотеатра, тяжёлый запах цветов за кулисами, вспышки фотокамер, белые розы от продюсера и собственное отражение в зеркале гримёрки — растерянная девчонка, которая никак не могла поверить, что всё это происходит именно с ней.

Зато майскую поездку в Италию она помнила почти по часам. Может быть, потому что это было её первое путешествие за границу. Может быть, потому что рядом был Арсений. А может быть, потому что именно тогда ей впервые показалось, что счастье — это не случайная удача на несколько дней, а состояние, которое может стать частью жизни.

Ей был двадцать один год. Арсению — двадцать восемь.

По всем разумным меркам они почти не знали друг друга. С момента знакомства прошло всего три месяца. Но в двадцать один время вообще течёт иначе. Иногда один вечер кажется важнее целого года, а несколько месяцев способны вместить больше чувств, чем потом случается за десятилетие.

Самолёт начал снижаться над Тосканой, и Вера практически прилипла к иллюминатору.

Под ними медленно разворачивалась какая-то совершенно невозможная открытка. Холмы, залитые солнцем, аккуратные полосы виноградников, тонкие белые дороги, крошечные деревушки с терракотовыми крышами. Всё выглядело настолько красиво, что казалось декорацией к фильму, а не настоящим местом, куда через полчаса можно будет выйти из самолёта и вдохнуть воздух.

Арсений отложил журнал и посмотрел на неё поверх очков.

— Если ты ещё немного подвинешься вперёд, пилоты решат, что у нас на борту новый навигационный прибор.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. Ты сейчас носом стекло отполируешь.

— Посмотри лучше вниз.

Он послушно повернул голову.

— Красиво.

— И всё?

— А что ещё?

— Неужели тебе совсем не хочется сказать что-нибудь восторженное?

Арсений задумался.

— Хочется есть.

— Ты безнадежен.

— Я журналист. Нас специально учат не восхищаться раньше времени.

— Врут ваши преподаватели.

Он посмотрел вниз ещё раз и улыбнулся.

— Хорошо. Очень красиво. Насколько красиво, что я готов официально признать твою правоту.

— Вот. Уже лучше.

Она рассмеялась, и несколько пассажиров впереди обернулись.

В последние месяцы она смеялась удивительно много. Иногда ей казалось, что рядом с Арсением жизнь становится легче, словно кто-то незаметно убавляет громкость у всего лишнего — тревог, сомнений, бесконечной суеты.

Они познакомились на премьере «Зимнего сада».

Тогда Арсений Ланской уже был человеком известным. Его статьи перепечатавали, его колонки обсуждали, его приглашали в эфиры. Он принадлежал к той редкой категории людей, которые могли говорить спокойно и негромко, а слушать их всё равно будут внимательнее всех остальных.

Вера знала его заочно задолго до знакомства. Более того, её мама иногда читала его материалы за завтраком и говорила:

— Этот хотя бы думает, прежде чем открывать рот.

Для Нины Сергеевны это была почти высшая форма похвалы.

На премьере Арсений подошёл поздравить съёмочную группу. Потом они разговорились. Через неделю случайно встретились в ресторане после какой-то телевизионной записи. Потом ещё раз. А потом всё стало происходить слишком быстро, чтобы кто-то из них успевал это анализировать. Уже позже Вера пыталась вспомнить момент, когда дружеские разговоры превратились в роман. И не могла. Будто никакой границы просто не существовало. Словно они сразу начали двигаться навстречу друг другу и просто однажды обнаружили, что уже идут рядом.

Флоренция встретила их тёплым воздухом и запахом нагретого солнцем камня.

Вера ожидала почувствовать кофе, цветы, выпечку, что угодно туристическое. Но город пах именно старым камнем, которому несколько сотен лет, и этот запах удивительным образом подходил всему вокруг. Узким улицам. Красивым домам. Площадям. Колокольням. Даже теням. Она вертела головой так активно, что Арсений начал опасаться за её шею. Её восхищало буквально всё. Ставни на окнах. Балконы с цветами. Старушки, обсуждающие что-то на непонятном языке с невероятной скоростью. Велосипеды. Маленькие кофейни. Даже бельё, развешанное между домами.

— Перестань так счастливо улыбаться, — сказал Арсений.

— Почему?

— Люди могут подумать, что я выиграл тебя в лотерею.

— А вдруг так и есть?

— Тогда мне очень повезло.

Он сказал это совершенно спокойно. Именно так он чаще всего говорил самые важные вещи. Вера почувствовала, как предательски теплеют щёки. Они шли по узким улицам, где почти не было машин. Вера всё время отставала. Останавливалась. Рассматривала витрины. Заглядывала во дворы. Фотографировала дверные ручки, цветочные горшки и котов.

— Зачем тебе снимок этого кота?

— Он красивый.

— Он спит.

— Особенно поэтому.

— Я начинаю ревновать.

— Поздно. Кот уже победил.

Арсений покачал головой.

— Бедный я человек.

В тот вечер они долго сидели на площади возле Дуомо. Солнце медленно уходило за крыши. Камень собора менял цвет каждую минуту. Сначала был белым. Потом золотым. Потом розовым. Потом почти медным. Вера смотрела на это и не могла оторваться.

— Представляешь, сколько людей здесь было до нас?

— Миллионы.

— Нет, серьёзно. Кто-то признавался здесь в любви. Кто-то ссорился. Кто-то делал предложение. Кто-то расставался.

— А кто-то просто хотел поесть мороженого.

— Ты ужасно приземлённый.

— Зато полезный.

Она повернулась к нему. И снова поймала этот взгляд. Внимательный. Спокойный. Тёплый. Так смотрят люди, которые ещё не знают, что любят навсегда. Но уже не могут смотреть иначе. Арсений был красив не той красотой, которую замечают сразу. Не киношной. Не рекламной. Высокий, худой, немного сутулый, с тёмными волосами, которые вечно казались слегка растрёпанными, и серо-зелёными глазами, внимательными и спокойными. У него были чёткие скулы, прямой нос и умное лицо человека, который привык наблюдать больше, чем говорить.

Но стоило ему начать рассказывать историю, шутить или спорить — и через десять минут все остальные мужчины в комнате словно переставали существовать. Это был один из его талантов.

А у Веры талант был другой. Она притягивала внимание ещё до того, как успевала что-нибудь сказать. Высокая, светловолосая, с той особенной русской красотой, которую невозможно объяснить набором правильных черт. В её лице было что-то удивительно трогательное и знакомое — словно героиня старой фотографии, найденной в семейном альбоме. Светлые глаза, открытый взгляд, мягкая улыбка, в которой всегда чувствовалась лёгкая грусть, даже когда она смеялась. Именно из-за этого её и выбрали на главную роль в «Зимнем саде»: режиссёр говорил, что Вера выглядит так, будто пришла из другой эпохи и при этом остаётся совершенно живой и настоящей. В ней не было холодной красоты. Она вся состояла из движения. Из смеха. Из эмоций. Из света. Именно поэтому камера её любила. И люди тоже.

На следующий день они уехали в Тоскану. Взяли машину напрокат. Вера объявила, что хочет увидеть настоящую Италию. Арсений сказал, что настоящая Италия наверняка занята своими делами и не подозревает о её существовании. Они купили карту. Заблудились через сорок минут. Потом ещё через двадцать. Потом окончательно. Но это почему-то их не расстроило. Они останавливались в маленьких городках. Пили кофе. Ели пасту. Покупали фрукты на рынках. Разговаривали. Смеялись. Фотографировали друг друга. Просто потому, что хотелось сохранить этот момент. Как-то вечером они остановились возле поля маков. Вера выскочила из машины первой. Побежала по дороге. Подняла руки навстречу ветру. Арсений достал фотоаппарат. Щёлкнул. Потом ещё раз. И ещё.

— Что ты делаешь?

— Снимаю.

— Зачем?

— Чтобы потом доказать тебе, что ты была счастлива.

Она рассмеялась.

— А вдруг забуду?

— Именно поэтому.

Тогда эта фраза показалась шуткой. Сейчас она вспомнила её дословно. Именно в Италии появилась привычка постоянно снимать короткие видео. Пятнадцать секунд. Тридцать секунд. Минуту. Ничего особенного. Завтрак. Дорога. Смешная собака. Дождь за окном. Случайный разговор. Арсений ворчал. Прятался от камеры. Говорил, что выглядит нелепо. Потом привык. А потом сам начал снимать её. Они собирали память. Сами того не понимая.

Через несколько дней маршрут увёл их на север, к озеру Комо. Именно там состоялся тот разговор. Вечером они сидели возле воды. Было тихо. Темнело. Огни домов отражались

в озере длинными золотыми дорожками. Вера листала фотографии. За неделю их накопилось несколько сотен.

— Посмотри.

— На что?

— Мы всё время снимаем.

Арсений заглянул в экран. Там действительно была целая жизнь. Пока ещё маленькая. Но уже их общая жизнь. Он за рулём. Она на мосту. Кофе. Дождь. Смеющиеся лица. Случайные прохожие. Закаты. Улицы. Утро в гостинице.

— Жалко терять.

— Что?

— Всё это.

Он кивнул на экран.

— Такие вещи исчезают быстрее всего.

Вера задумалась. Потом сказала:

— Знаешь, иногда мне кажется, что память несправедлива. Она может сохранить запах булочек из детства и забыть целый год жизни.

— Поэтому люди придумали фотографии.

— Всё равно мало.

Арсений смотрел на воду.

— А мне кажется, людям интересны такие вещи.

— Какие?

— Настоящие. Не события. Не победы. Не красные дорожки. А жизнь.

Он говорил спокойно, просто размышлял вслух.

— Думаешь, кому-то интересно смотреть чужие завтраки?

— Если за ними стоят живые люди — да.

Тогда эта мысль показалась случайной. Одной из сотен мыслей. Но именно из неё через несколько лет вырастет их блог. А потом и вся новая жизнь.

Ночью они возвращались в гостиницу пешком. Улицы были почти пустыми. Вера снимала короткое видео. Арсений заметил камеру и закрыл лицо рукой.

— Перестань.

— Почему?

— Потому что я выгляжу как человек, который скрывается от Интерпола.

— Нормально ты выглядишь.

— Это субъективное мнение.

— Скажи что-нибудь для истории.

Он задумался. Потом посмотрел прямо в объектив.

— Если кто-нибудь будет смотреть это через двадцать лет, значит мы всё ещё вместе.

— Почему?

— Потому что иначе ты бы удалила запись.

Она засмеялась. Запись сохранилась. На долгие годы. Вместе с вечерним воздухом. Светом фонарей. Старым городом. Молодостью. И ощущением, что впереди ещё бесконечно много времени. Самым обманчивым ощущением на свете.

Вера вернулась мыслями в машину.

— Но есть один момент, — сказал Арсений.

Вера сразу поняла.

— Марина?

— Марина.

Она улыбнулась.

— Конечно.

— Она права.
— Не говори это слишком громко.
— Почему?
— Потому что она может услышать.
— Она сейчас не здесь.
— Это её не остановит.

Они рассмеялись.

Потом Арсений стал серьезнее.

— Но она задала правильные вопросы.

— Да.

— Особенно про детей.

Вера кивнула. И улыбка исчезла.

— Да.

Все разговоры о технологиях, времени, тенденциях и удобстве были важны. Но дети — особенно.

— Я не хочу, чтобы через десять лет Соня сказала: «Вы построили свою историю, а мне оставили роль статиста».

Арсений посмотрел на неё.

— Она бы сказала именно так.

— Знаю.

— У неё твой характер.

— Нет.

Вера возмущённо посмотрела на него.

— У неё твоя способность спорить.

— Это хуже.

— Намного.

Они снова улыбнулись. Но тема осталась.

— Поэтому надо внимательно читать всё.

Они свернули на их улицу. Дом уже был виден впереди. Высокий, освещённый, знаковый. Тот самый дом, который казался символом того, что они всё сделали правильно.

— Ты хочешь попасть в эти пятьдесят? — спросила Вера.

Арсений не ответил сразу.

— Да.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Потому что это интересно.

— Только?

Он подумал.

— Нет. Потому что я думаю, что через пять лет все будут работать так.

Вера посмотрела на него.

— А если нет?

— Тогда мы попробуем первыми.

Она улыбнулась.

— Вот это уже больше похоже на тебя.

Он припарковал машину. Несколько секунд они сидели в тишине. Никто не спешил выходить. Потому что иногда самые важные разговоры происходили не тогда, когда люди специально собирались поговорить. А между домом и улицей. Между прошлым и будущим.

— Знаешь, что странно? — сказала Вера.

— Что?

— Сегодня впервые за долгое время мне показалось, что мы снова начинаем что-то новое.

Арсений посмотрел на неё.

— А тебе не нравится?

Она задумалась.

— Не знаю. Наверное, именно поэтому нравится.

Он улыбнулся.

— Хороший ответ.

— Непрактичный.

— Зато твой.

Они вышли из машины.

ГЛАВА 3

— Так, быстренько собираемся, сегодня у нас шикарный выезд в зимний лес с замечательными горками-каталками, сосисками на открытом огне, горячим шоколадом и великолепными видами. Правда, придётся немножко поработать. А сейчас выбираем прикид.

Вера хлопнула в ладоши и поставила на середину гостиной последнюю коробку.

За панорамными окнами Москва была бело-серой, зимней и немного сонной. Низкое солнце отражалось в стекле соседних башен. На сорок первом этаже снег всегда выглядел красивее, чем внизу. Отсюда не было видно ни грязных обочин, ни утренних пробок — только крыши, деревья и дымчатый воздух.

— Наконец-то, — первой отреагировала Соня.

Она уже сидела на подлокотнике дивана и с интересом разглядывала коробки.

— А можно мне первой?

— Если успеешь раньше брата.

— Тогда нет, — разочарованно сказала Соня. Потому что Митя уже был рядом.

— Это нечестно. У меня длиннее руки.

— У тебя длиннее всё, кроме скорости мышления, — отозвалась Соня.

— Завидуй молча.

— Дети, — предупредила Вера.

— Мы любя, — хором ответили оба.

Арсений, который допивал кофе у окна, даже не обернулся.

— Меня всегда пугает, когда вы говорите это одновременно.

Коробки открывались одна за другой. В этом было что-то от Нового года. Хотя подарком это не считалось. Все прекрасно знали правила игры. Семья снималась для бренда зимней одежды. После съёмки вещи оставались у них. И дети давно научились воспринимать такие доставки как маленький праздник.

— Ого... — выдохнул Митя.

Он первым вытащил куртку. Темно-синюю, почти графитовую, с яркой оранжевой подкладкой внутри.

— Смотри!

— Вижу.

— Нет, внутри смотри!

Он распахнул куртку. Подкладка действительно была эффектной.

— Нормально, — признала Соня.

Для Сони это была высшая степень одобрения. Своя коробка интересовала её куда больше. Соня аккуратно разложила вещи на диване. Комбинезон с тонким флисовым слоем. Шапка. Перчатки.

Она сразу начала примерять. Не торопясь. Она уже понимала разницу между «нравится» и «идёт». Вера украдкой наблюдала. Совсем недавно Соня надевала первое, что попадалось под руку. Теперь могла десять минут выбирать между двумя почти одинаковыми оттенками.

— Мам.

— М-м?

— Какая лучше?

Она подняла две шапки. Одну белую. Другую светло-серую.

— Белая.

— Я тоже так думаю.

— Тогда зачем спрашивала?

— Хотела проверить.

— Что?

— Совпадаем ли мы.

Вера засмеялась.

— Пока ещё да.

Лиза выбрала быстрее всех. Точнее, не выбирала вообще. Она просто вытащила самый пушистый предмет из коробки и немедленно прижала к щеке.

— Этот.

— Это не этот, — сказала Соня. — Это шарф.

— Тогда шалф.

— Логично.

Лиза посмотрела на всех с лёгким раздражением. В её мире всё было предельно ясно. Мягкое — хорошо. Красивое — хорошо. Мягкое и красивое одновременно — вообще прекрасно. Остальное взрослые только усложняли.

— Мам, помощи.

Соня уже стояла перед зеркалом. Комбинезон сидел отлично. Именно настолько хорошо, что ей самой это нравилось. Но она старалась не показывать. Вера поправила капюшон. Отступила на шаг. Посмотрела. Тёмный цвет делал Соню старше. Темные волосы выбивались из-под белоснежной шапки. Щёки чуть порозовели.

— Красиво.

Соня довольно кивнула. И тут же сделала вид, что ничего особенного не произошло.

Митя тем временем тестировал карманы. Все. Без исключения.

— В этот влезает телефон.

— Отлично.

— В этот пауэрбанк.

— Замечательно.

— А в этот пять шоколадок.

Арсений наконец заинтересовался.

— Почему именно пять?

— Шесть уже неудобно.

— Наука.

— Конечно.

Через двадцать минут гостиная выглядела так, словно по ней пронёсся очень организованный ураган. Коробки. Бирки. Перчатки. Шапки. Пакеты.

Семья постепенно приобретала законченный вид. Это было неожиданно красиво. И не потому что вещи были дорогими. Не потому что бренд известный. Просто всё оказалось подобрано удивительно удачно. Тёмно-синий. Белый. Графитовый. Серебристо-серый. Цвета зимнего леса. Снега. Неба. Деревя. Никаких кислотных оттенков. Никаких кричащих логотипов. Только ощущение спокойной уверенности.

— Так.

Вера посмотрела на всех.

— Построились.

— Зачем? — спросил Митя.

— Для проверки.

— Как в армии?

— Нет. В красивой семье.

Арсений засмеялся.

— Это гораздо строже.

Они встали перед огромным зеркалом в прихожей. И действительно замолчали. Потому что выглядело хорошо. Очень хорошо. Арсений высокий, широкоплечий. Вера рядом. Соня

уже почти взрослая. Митя, который ещё не дорос до своей серьёзности. И Лиза — маленький комочек счастья в белой шапке с меховым помпоном.

— Мы как из каталога, — сказал Митя.

— Дорогой каталог, — уточнил Арсений.

— Очень дорогой и самый любимый, — добавила Вера.

На журнальном столике тихо завибрировал телефон. Виста Стрим работал уже третий день. Поэтому никто особенно не обратил внимания. Система сама выбрала несколько кадров утренних сборов. Загрузила. Опубликовала. И пошла дальше. Как и было задумано. Телефон замолчал. Потом завибрировал снова.

— Все в лифт.

— Мне жалко, — немедленно сообщила Лиза.

— Ещё бы.

— Хочу снять култку.

— Через пять минут в машине.

— Это долго.

— Это жизнь.

Лиза тяжело вздохнула. Так тяжело, будто её ожидало восхождение на Эверест. В лифте Соня сразу достала телефон. Щёлк. Ещё раз. Потом ещё.

— Соня.

— Что?

— Мы ещё не доехали.

— Свет хороший.

С этим было трудно спорить.

Паркинг встретил их привычным теплом и запахом бетона. Митя первым побежал к машине.

— Стоп!

— Что?

— Не по лужам.

— Каким?

— Всем.

Когда наконец расселись по местам, Вера почувствовала знакомое облегчение. Сложная часть любой поездки состоялась. Все внутри. Все одеты. Все на месте. Почти.

— Где мои наушники?

Она закрыла глаза. Арсений за рулём тихо рассмеялся.

— Рано радовалась.

— Митя.

— Что? Где мои наушники?

— Ты пять минут назад их держал.

— Тогда всё ещё хуже.

Через три минуты поисков наушники обнаружились на шее самого владельца. Соня смеялась так сильно, что едва могла говорить.

— Я их специально туда положил.

— Конечно.

— Для безопасности.

— Несомненно.

Машина плавно выехала с паркинга. Серый зимний город мелькал за окнами. Впереди был лес. Горки. Снег. Костры. Съёмка.

Телефон Веры снова завибрировал. Потом снова и снова. Она мельком посмотрела на экран. Виста Стрим. Первые публикации. Первые цифры. Что-то уже начинало жить собствен-

ной жизнью. Но разбираться с этим сейчас совершенно не хотелось. Впереди был хороший день, и он пока не превратился в публикацию.

Лес появился сразу после поворота с шоссе. Сначала по обе стороны дороги потянулись высокие сосны — прямые, тёмные, с тяжёлыми шапками снега на ветках. Они стояли так близко друг к другу, что лес казался сплошной стеной: между стволами почти не было видно земли, только белые вспышки снега и редкий солнечный свет, пробивающийся сквозь ветви.

Машина медленно поднималась по извилистой дороге. Колёса тихо шуршали по укатанному снегу, а за окнами всё оставалось прежним — лес, белизна, тишина.

Потом дорога сделала широкий поворот, и деревья вдруг расступились.

— Ого, — первым сказал Митя.

Даже Соня оторвалась от телефона. Перед ними открылся тубинг-резорт, спрятанный в широкой заснеженной долине между холмами. Снизу он выглядел почти игрушечным — как зимний городок, который кто-то аккуратно поставил среди леса. По склонам спускались широкие белые трассы. Они изгибались, расходились, пересекались, где-то уходили в длинные плавные виражи, а где-то заканчивались небольшими подъёмами, чтобы круг не просто скользил вниз, а давал ощущение настоящего аттракциона.

На снегу двигались яркие пятна — красные, синие, зелёные тубинги. Дети и взрослые с криками летели вниз, крутились на поворотах, пытались удержаться, а потом, смеясь, выбирались из больших надувных кругов.

Рядом со склонами работали специальные подъёмники: не кабинки и не кресла — просто движущиеся ленты, которые медленно тянули тубинги наверх. Люди ставили круг на ленту, садились сверху и ехали обратно к началу трассы, отдыхая после спуска. Со стороны это выглядело почти как конвейер зимнего праздника: один круг уезжал вверх, другой уже летел вниз.

Внизу стояли деревянные здания с широкими окнами, за которыми горел тёплый свет. Там были кафе, прокат, зоны отдыха. Люди заходили внутрь, стряхивая снег с одежды, держали в руках стаканы с горячими напитками, смеялись и обсуждали очередной спуск.

Из труб поднимался лёгкий дым, смешиваясь с морозным воздухом. Над крышами висел запах дерева, кофе и свежей выпечки.

Всё выглядело так, словно кто-то взял самый удачный зимний день из детства — когда снег искрится, мороз щиплет щёки, а впереди только каникулы и приключения — и построил вокруг него целый маленький мир.

Митя прижался к окну.

— Мы точно сюда приехали? — тихо спросил он.

— Точно, — ответил Арсений.

И даже Соня ничего не сказала. Только смотрела вниз, на белые склоны, где люди снова и снова поднимались вверх, чтобы через несколько минут с криком помчаться обратно.

— Я пелвая! — заявила Лиза.

— Где? — спросил Арсений.

— Везде.

В холле их уже ждали сотрудники комплекса. Знакомство заняло несколько минут. Представились, уточнили программу пребывания, показали карту территории. Выдали браслеты доступа, объяснили, где можно снимать, какие зоны лучше использовать утром, а какие — ближе к вечеру, когда солнце уходит за склон.

Всё было чётко и спокойно.

У Ланских таких встреч было много. Но здесь Вера невольно задержала взгляд на деталях. Тёплое дерево стен. Большие окна, за которыми белели склоны. Люди в мокрых куртках, оставляющие следы снега у входа. Дети, которые вбегали внутрь после спуска, не снимая шапок, и сразу просили родителей пойти ещё раз. Место выглядело живым. Уютный зимний комплекс среди леса.

Через десять минут они уже начали снимать.

Вера встала у склона, пока за её спиной один за другим съезжали тюбинги. Она записала короткое приветствие, несколько раз поменяла ракурс, чтобы в кадр попали трассы и лес.

Арсений ушёл к стартовой площадке. Показывал, как устроен подъём, как тюбинги поднимаются наверх, разговаривал с сотрудниками.

Соня сначала держалась рядом с телефоном в руке. Снимала себя и младших, заставляла Митю не корчить рожи, а Лизу смотреть в камеру.

Лиза в огромном зимнем комбинезоне серьёзно смотрела на склон, будто оценивая всю трассу перед первым спуском.

Митя тестировал тюбинги с серьёзностью автомобильного эксперта.

— Этот быстрее.

— Почему? — спросил Арсений.

— Потому что красный.

— Аргумент.

— И потому что у него вид такой.

Лиза тем временем нашла сугроб. Большой. Из всех развлечений комплекса её заинтересовал именно он.

Главный склон оказался впечатляющим даже для взрослых. Шесть параллельных трасс уходили вниз широкими белыми полосами. Справа работал подъёмник. Люди непрерывным потоком поднимались наверх вместе с тюбингами. Сверху доносились смех и визг. Снизу — счастливые вопли тех, кто уже спустился.

— Мам.

— Что?

— Можно ещё сто раз?

— Ты ещё ни разу не съехал.

— Я планирую заранее.

Первым вниз отправился Арсений. Потому что кто-то должен был проверить безопасность. Так он это объяснил. Через двадцать секунд стало очевидно, что проверка безопасности превратилась в удовольствие.

— Ну? — уточнила Вера, как только он вновь появился рядом.

— Отлично!

— Всё безопасно?

— Очень!

— Вижу, ты довольный как слон после купания.

— Не отвлекай специалиста.

После этого началась настоящая карусель. Подъёмник. Спуск. Снова подъёмник. Снова спуск. Через какое-то время они уже перестали считать, сколько раз поднялись наверх.

Митя довольно быстро пришёл к выводу, что главное достоинство комплекса — отсутствие необходимости тащить тюбинг наверх самостоятельно.

— Вот это я называю цивилизацией.

Арсений засмеялся. Митя тут же вызвал его на соревнование.

— Пап, только честно.

— Конечно.

— Без поддавков.

— Я и не собирался.

— Ты взрослый, тебе нельзя проигрывать специально.

— Спасибо за доверие.

Они стартовали одновременно. Через несколько секунд оба уже не говорили — только смеялись и пытались удержаться на поворотах. Снег летел из-под кругов, трасса гудела от криков, а внизу Митя первым выкатился за финишную линию.

Он вскочил с тюбинга с таким видом, будто только что выиграл чемпионат мира.

— Я победил!

Арсений подъехал следом.

— Поздравляю.

— Ты проиграл.

— Да.

— И не специально?

Арсений сделал серьёзное лицо.

— К сожалению, нет.

Соня сначала всё ещё снимала происходящее. Ловила красивые кадры, поправляла волосы перед камерой, фотографировала младших. Но постепенно телефон оказался забыт. Сначала она села в тюбинг осторожно, крепко держась за ручки и стараясь не показывать, что ей страшно.

После первого спуска сказала:

— Нормально.

После второго:

— Вообще-то прикольно.

После третьего уже смеялась ещё до старта. Вскоре она вместе с Митей устроила гонку по соседним трассам. И проиграла. Это её удивило сильнее всего.

— Подожди, — сказала она, когда они снова поднялись наверх. — Как ты меня обогнал?

Митя пожал плечами.

— Я легче.

— Это твоя стратегия?

— Да.

— И всё?

— Ещё я кричал громче. Это помогает.

Соня закатила глаза, но улыбнулась.

Лиза недолго наблюдала за старшими. Она стояла рядом с Верой, смотрела, как люди мчатся вниз, как круги один за другим поднимаются наверх, как все возвращаются смеющиеся и в снегу. Потом протянула руку к тюбингу.

— Лиза тоже.

— Вместе? — спросила Вера.

Лиза кивнула.

В первый раз с ней поехал Арсений. Он посадил её впереди себя, крепко обхватил одной рукой, а второй держал края тюбинга.

— Готова?

Лиза серьёзно посмотрела вниз.

— Да.

Они тронулись. Сначала медленно, потом быстрее. Вера смотрела, как Лиза сначала молчит от неожиданности, а потом начинает заливисто смеяться.

Когда они остановились внизу, Лиза сразу повернулась к отцу.

— Ещё.

— Ещё раз?

— Много.

Во второй раз поехала уже с Верой. И теперь смеялась ещё до того, как тюбинг начал движение.

К вечеру они все были мокрые от снега, с красными щеками и растрёпанными волосами. У Мити уже болели ноги от прыжков, Соня больше не вспоминала про фотографии, а Лиза устало сидела на руках у Веры и всё равно показывала пальцем на склон.

Ещё.

Телефон Веры периодически вибрировал. Виста Стрим. Опубликовано. Она машинально посмотрела уведомление и убрала телефон обратно. Не до этого.

Теперь снег искрился уже совсем по-другому. Лес стал серебристым. На ветках сосен лежали тяжёлые белые шапки. Откуда-то тянуло дымом. Запахом жареных сосисок. И сладким шоколадом. Центральная площадь комплекса выглядела как открытка. Большой деревянный павильон со стеклянными стенами. Костровые чаши. Гирлянды между деревьями. Люди в яркой зимней одежде. Дети с раскрасневшимися лицами.

Они устроились возле одного из костров.

Лиза получила огромную кружку горячего шоколада и сразу обхватила её двумя руками.

— Голячо.

— Для этого её и придумали, — сказал Арсений.

Митя жарил сосиску с таким сосредоточенным видом, словно выполнял ответственную государственную задачу.

— Не сожги.

— Я профессионал.

Сосиска немедленно упала в снег. Соня расхохоталась. Арсений тоже. Даже Вера не удержалась. Митя посмотрел на них с достоинством человека, пережившего трагедию.

— У каждого великого мастера бывают ошибки.

В этот момент где-то в кармане снова завибрировал телефон. Виста Стрим продолжал работать.

Система публиковала кадры один за другим. Спуски. Лес. Подъёмники. Одежду. Солнце на снегу. Семью. Никто пока не обращал внимания на цифры. А если бы обратил, заметил бы странную вещь — лучше всего расходились вовсе не идеально выстроенные рекламные кадры. Не виды комплекса.

А Лиза с кружкой горячего шоколада. Соня, смеющаяся над братом. Арсений со снегом на волосах после очередного спуска. Вера, машинально поправляющая дочери шапку. То есть всё то, что вообще никто не планировал снимать.

Огонь в костре опускался ниже, как будто день действительно начинал складываться внутрь себя. Люди вокруг ещё смеялись, кто-то фотографировал, кто-то грел руки над пламенем, но для Веры всё это уже было фоном. Телефон снова завибрировал. На экране высветилось — Марина. Вера подняла взгляд.

— Я отойду.

Арсений кивнул, не задавая вопросов. Он уже знал этот тон — не срочно, но важно. Она отошла на несколько шагов в сторону, где снег был нетронутым и лес начинался сразу за деревянным настилом.

— Да.

— Ты можешь сейчас смотреть? — голос Марины был ровный, слишком ровный.

— Смотрю.

Пауза.

— Я открыла отчёт Виста Стрим по сегодняшнему дню. И там... есть устойчивый сдвиг. Вера не сразу ответила. Слово «сдвиг» ей не понравилось. В нём всегда было что-то необратимое.

— В какую сторону?

Марина не стала сразу объяснять.

— Я сначала скажу цифру.

Пауза.

— 78% самых просматриваемых кадров за день — это не постановка. Не бренд. Не рекламный материал.

Вера чуть сильнее сжала телефон.

— А что?

— «Побочные моменты».

Вера посмотрела на костёр. Соня смеялась над чем-то, Митя пытался доказать, что снег «можно использовать как аргумент», Лиза держала кружку как маленькое солнце в руках.

— Это плохо? — тихо спросила Вера.

Марина ответила не сразу.

— Это... неожиданно.

— И я хочу проверить одну вещь.

— У тебя есть сейчас минутка?

— Есть.

— Я подняла архив вашего блога. С самого начала.

Слово «с самого начала» сработало как переключатель. Потому что Вера помнила это начало слишком хорошо.

Дети уснули только к десяти. Не потому что был какой-то особенный день. Просто у маленьких детей есть удивительная способность чувствовать, когда взрослые наконец собираются поговорить. Стоило Арсению сказать: «Ну всё, кажется, можно спокойно посидеть», как из комнаты раздалось тихое хныканье. Все замерли.

— Это что? — тихо спросила Марина.

Вера закрыла глаза.

— Если Митя, то ничего. Если Соня — надо идти выяснять.

— А если оба? — спросил Арсений.

— Тогда мы переезжаем, — серьёзно сказала Вера.

Марина засмеялась.

— Куда?

— Не знаю. Туда, где дети уже совершеннолетние.

Ещё минута прошла в ожидании. Тишина.

— Повезло, — сказал Арсений. — Сегодня квартира остаётся нашей.

Так у них и проходили вечера — в коротких промежутках между детьми. Когда можно налить вина. Когда можно договорить предложение. Когда никто не просит найти игрушечного динозавра, потому что он «умер один под кроватью».

Марина осталась у них, как часто бывало. Они давно дружили семьями. Она вообще появилась в их жизни задолго до всех этих разговоров про блог. С Арсением они познакомились ещё в редакции. Он был журналистом от бога, мог написать сложный текст за ночь, провести три интервью в день и одновременно забыть, где оставил телефон. Марина была менеджером. Она не писала резонансных материалов. Но она делала так, чтобы они вообще появлялись. Она знала, кому позвонить. Кому напомнить. Кого не трогать до завтра, потому что сегодня человек всё равно ничего не сделает. У неё была удивительная способность создавать из хаоса порядок.

Арсений когда-то сказал:

— Ты единственный человек, который может организовать людей, которые не хотят быть организованными.

— Это потому что я знаю, где у них слабое место, — ответила Марина.

— И где?

— У всех одно.

— Какое?

— Все думают, что они особенные.

Она сказала это смеясь. Но жизнь потом много раз подтверждала её правоту. Илья, муж Марины, к их миру относился с лёгким недоумением. Он был не из журналистской среды и никогда не понимал, почему взрослые люди могут три часа обсуждать один заголовок.

— У вас там в редакции хоть кто-нибудь работает? — спрашивал он.

— Конечно, — отвечала Марина.

— А почему тогда вы всё время болтаете?

— Потому что это и есть работа.

— Странная работа.

— Зато тебе нравится результат.

Он пожимал плечами. И, возможно, именно поэтому они хорошо ладили. Он не пытался жить их жизнью.

Телефон Веры лежал на столе рядом с бокалом вина. Он снова загорелся. Потом ещё раз. Марина машинально посмотрела. Сначала просто из любопытства. Потом внимательнее.

— Подожди.

Вера сразу напряглась.

— Что?

— Сколько у тебя сейчас?

— Чего?

— Подписчиков.

Вера пожала плечами.

— Не знаю.

Марина посмотрела на неё.

— Как это?

— Марин, у меня ребёнку семь месяцев, он ползать начал по всей квартире. Иногда я утром не понимаю, я уже завтракала или просто думала об этом.

Арсений усмехнулся.

— Она действительно не следит.

— А зачем? — сказала Вера. — Мне что, каждое утро открывать цифры и радоваться? «Доброе утро, сегодня нас стало на пятьсот человек больше, а Митя всё ещё не спит».

— Вообще-то, — сказала Марина, — это могло бы быть неплохим форматом.

Вера посмотрела на неё.

— Ты сейчас шутишь?

— Немного. Но не совсем.

Марина взяла телефон. Она смотрела на него так же, как когда-то смотрела отчёты в редакции. Не на цифры. На движение. Арсений это заметил.

— Что?

Она не ответила сразу.

— Интересно.

— Опасное слово, — сказала Вера.

— Почему?

— Потому что после твоего «интересно» обычно кто-то начинает бешено грести ластами.

Марина улыбнулась.

— Возможно.

Она положила телефон обратно.

— Просто это уже больше, чем милые семейные фотографии.

Арсений кивнул. Он давно это чувствовал.

Наверное, поэтому дальше разговор сам перешёл к работе. Потому что у всех троих эта тема давно назрела.

У Арсения газета всё меньше напоминала ту газету, ради которой он когда-то работал. Всё менялось. Люди читали иначе. Смотрели иначе. Получали информацию иначе.

И он, человек, который всю жизнь умел чувствовать настроение времени, вдруг оказался внутри процесса, который менялся быстрее, чем он успевал его описывать.

— Забавно, — сказал он. — Я всю жизнь рассказывал истории других людей.

Он посмотрел на телефон.

— А теперь у меня ощущение, что моя собственная история происходит где-то рядом.

Марина кивнула. Она понимала. У неё было похожее чувство. Ещё недавно она собирала потрясающие проекты. А теперь всё чаще думала, что старые способы заканчиваются.

— Я сказал Вере одну вещь, — продолжил Арсений.

— Какую? — спросила Марина.

Он посмотрел на жену.

— Что ей, может быть, не надо возвращаться.

Вера чуть подняла брови.

— Очень приятно, что вы обсуждаете мою карьеру, пока я сижу рядом.

— Я не в плохом смысле, — улыбнулся он.

— Надеюсь.

— Я просто думаю, что ты всё время пытаешься вернуться туда, где была раньше.

Он кивнул на телефон.

— А может быть, надо идти дальше.

Марина молчала несколько секунд. Потом сказала:

— Да.

И это «да» прозвучало так уверенно, что оба посмотрели на неё.

— Что?

Она пожала плечами.

— Я об этом думала.

— И молчала? — спросил Арсений.

— Я ждала, пока вы сами до этого дойдёте.

— Почему?

Марина улыбнулась.

— Потому что люди редко слышат чужую идею, пока не считают её своей.

Она взяла бокал.

— Но я скажу другое.

Марина посмотрела на них.

— Вы нашли связь с людьми.

Она говорила спокойно.

— Сейчас все пытаются сделать красивую картинку. А у вас получилось наоборот. Сначала люди увидели жизнь. И только потом заметили картинку.

Арсений улыбнулся.

— Ты сейчас звучишь как человек, который уже придумал нам стратегию.

— Нет.

Марина посмотрела на него.

— Я просто вижу то, что вы сами пока боитесь увидеть.

Вера тихо спросила:

— И что же?

Марина ответила:

— Что это может начать приносить доход.

За стеной кто-то снова заворочался во сне. Все трое посмотрели туда одновременно. И рассмеялись.

Потому что какой бы большой ни была идея, в их доме всё равно главными оставались дети, разбросанные игрушки и жизнь, которая никогда не ждала подходящего момента.

Блог рос почти незаметно. Сначала появились первые предложения. Потом первые серьёзные деньги. Вместе с ними менялась и жизнь. Хорошие рестораны. Красивые поездки. Отели, в которых раньше они останавливались только по большим поводам. Вещи, которые действительно нравились, а не просто были нужны.

Вера помнила свой первый дорогой заказ одежды для съёмки. Она тогда долго смотрела на вещи и сказала:

— Мне немного странно.

Марина подняла глаза от телефона.

— Что?

— Я всю жизнь ждала, когда мне дадут красивое платье на роль. А теперь я надеваю красивое платье просто для того, чтобы выпить кофе.

Марина засмеялась:

— Ну наконец-то жизнь решила быть справедливой.

Деньги дали им не только возможность покупать. Они дали воздух. Арсений больше не должен был хвататься за всё подряд. Он мог выбирать проекты и больше времени проводить дома. А Вера впервые за долгое время перестала чувствовать, что её жизнь остановилась. Она не вернулась в кино. Не вернулась на телевидение. Но у неё снова появилась аудитория. И она была больше, чем раньше.

Марина не пыталась превращать их в другой проект. Она помогала понять, что у них уже есть.

— Не надо делать вид, что вы живёте иначе, — говорила она.

— А что надо? — спрашивала Вера.

— Просто показывать больше.

— Больше чего?

Марина улыбалась:

— Того, что у вас теперь есть.

Так в блоге появлялось то, что появлялось в их жизни: путешествия, рестораны, школы, кружки, новый дом. Это не было притворством. Вере действительно нравилось, когда вокруг красиво. Нравилось готовиться к съёмкам. Нравилось видеть реакцию людей. Она думала:

«Мы показываем хорошую сторону жизни».

И разве не это всегда делали журналы? Не показывали же они грязную посуду после ужина и счета за коммунальные услуги.

Новая квартира стала отдельной историей. Они долго выбирали её.

Арсений сначала говорил:

— Нам нужна просто удобная квартира.

Марина посмотрела на него:

— Арсений, ты сейчас звучишь как человек, который пытается убедить себя, что ему не нужен хороший костюм.

— Мне действительно не нужен хороший костюм.

— Конечно.

Она посмотрела на Веру.

— Видишь? Он уже врёт.

В итоге квартира получилась именно такой, какой они хотели. Большой. Светлой. С окнами, за которыми был город. Там было место детям. Место для работы. Место для съёмок. И впервые за много лет им казалось, что жизнь не догоняет их, а идёт рядом.

Конечно, они уставали. Иногда очень сильно. Бывали дни, когда Вера заканчивала съёмку и мечтала только о том, чтобы никто не задавал ей вопросов. Бывали вечера, когда Арсений смотрел на календарь и говорил:

— У нас вообще есть свободный день?

И Марина отвечала:

— Есть.

— Когда?

— Пока не знаю. Но где-то должен быть.

Они смеялись. Потому что это была хорошая усталость. Усталость людей, у которых слишком много дел, а не слишком мало возможностей. И только иногда Арсений смотрел на экран после публикации и говорил:

— Забавно.

— Что? — спрашивала Вера.

— Мы начинали с того, что показывали нашу жизнь.

Она улыбалась.

— А сейчас?

Он пожимал плечами.

— Сейчас мы показываем жизнь мечты.

— Вера.

Голос Марины вернул её обратно.

— Ты здесь?

— Да.

— Так вот. Если упростить. Раньше у вас лучше всего работали «идеальные моменты жизни». Сейчас — «неидеальные».

Вера посмотрела на костёр. Лиза уронила варежку в снег. Митя спорил с Арсением. Соня снимала всё это на телефон, уже даже не думая, что именно она снимает.

— И что это значит? — спросила Вера.

Марина ответила осторожно:

— Это значит, что аудитория начала реагировать не на образ. А на присутствие. И ещё одно, — добавила Марина. — Алгоритм Виста Стрим начал сам усиливать такие кадры. Без вашего выбора.

Вера закрыла глаза. Не потому что устала. Потому что это звучало немного странно.

— Я перешлю тебе полный отчёт, — сказала Марина. — Но главное ты уже поняла.

Марина отключилась. Вера не сразу вернулась к костру. Она стояла в снегу, где было тихо и холодно, и смотрела на то, как её семья живёт внутри дня, не подозревая, что этот день уже начал отбираться кем-то другим. Это больше была не просто съёмка и даже не блог. Это система, которая учится выбирать их жизнь за них.

К вечеру квартира снова наполнилась привычными ощущениями. Не теми, которые попадали в ролики. Настоящими. Двери шкафов. Мокрые варежки на сушилке. Детские голоса. Запах снега, который каким-то образом всегда умудрялся попасть внутрь вместе с одеждой.

Лиза заснула ещё в машине. Арсений занёс её в комнату, не снимая с неё комбинезон сразу. Она была тяжёлая от сна и тепла. Её маленькая рука всё ещё держала край мягкого шарфа.

— Даже дома не хочет расставаться, — тихо сказала Вера.

— С шарфом?

— С ощущением дня.

Арсений посмотрел на дочь.

— Хороший день был.

— Да. Просто хороший день.

Телефон Веры лежал на кухонном острове. Экран погас и снова вспыхнул. Марина.

«Я отправила полный отчёт. Посмотри, когда будет возможность. Это важно».

Вера открыла ноутбук. Арсений появился рядом через минуту — заметил, как она замолчала.

— Марина?

— Да.

Он сел рядом. На экране открылся Виста Стрим. Не привычные таблицы охватов и просмотров, а карта внимания: задержки, повторные просмотры, места, к которым люди возвращались.

Арсений молча листал. Остановился. Вернулся назад.

— Интересно.

— Ты это говоришь тем тоном, когда уже всё понял, но ещё решаешь, как объяснить.

— Каким?

— Твоим опасным.

Он усмехнулся и увеличил один участок.

— Смотри.

Первый пик — Лиза с кружкой какао. Второй — Соня смеётся после спуска. Третий — Митя спорит у подъёмника, размахивая руками. Четвёртый — Вера поправляет ему шарф, не глядя в камеру.

— Потому что это живое, — сказала она.

Арсений задержался взглядом на экране.

— Возможно, мы слишком долго думали, что людям нужен образ.

— А им?

— Ощущение, что они там.

Телефон зазвонил. Марина. Вера включила громкую связь.

— Посмотрели?

— Да.

— Тогда главное. Сегодня система изменила поведение.

Вера нахмурилась.

— В каком смысле?

— Раньше вы выбирали, что показывать и что оставлять историей. Сейчас Виста Стрим начал выбирать вместе с вами.

Арсений чуть прищурился.

— «Вместе» — это мягко сказано.

— Я не про сознание. Я про реакцию аудитории. Вы что-то показываете, люди реагируют, система это учитывает — и следующий выбор уже зависит от предыдущей реакции.

— Но это же просто алгоритм, — сказала Вера.

— Да. Алгоритм, который учится на вас.

Арсений снова посмотрел на экран.

— Логично, — сказал он.

— С самого начала лучше всего работали моменты, где вы не старались быть идеальными, — сказала Марина.

— Мы это и так знали.

— Знали. Но потом начали это оформлять.

После разговора Арсений ещё немного смотрел в экран, потом закрыл ноутбук.

— Получается, мы долго думали, что главное — то, что мы показываем.

— А главное?

— То, что люди в этом находят.

— И что теперь?

Он пожал плечами.

— Не знаю.

За окном жил ночной город. Квартира оставалась той же — тёплой, привычной, полной их вещей и следов их жизни. Но Вера вдруг посмотрела на неё иначе. Как будто впервые задумалась, где заканчивается их жизнь и начинается то, что из неё видят другие.

— Бабушка, привет, я тебе сейчас всё-всё расскажу! Я вчера победил все самые крутые горки!

Митя вихрем ворвался в квартиру и тут же бросился обнимать бабушку и деда.

Он даже не снял шапку. Не снял куртку. Не поставил рюкзак. Просто появился в прихожей как маленькая зимняя буря, принёсшая с собой снег, холод и огромное количество информации.

— Я сначала думал, что самая крутая горка будет самая высокая, но оказалось, что нет. Самая высокая — это просто высокая. А самая крутая — это когда быстро и поворот.

— Вот как, — серьёзно сказал дед.

— Да. Там надо было правильно садиться.

— Это уже наука.

— Я знаю.

Митя кивнул. Он всегда говорил «я знаю» с таким выражением лица, будто ему только что доверили государственную тайну.

— А руки у нас тоже научились мыть? — спросила бабушка.

Митя замер. Посмотрел на свои варежки. Потом на бабушку.

— Я хотел сначала рассказать.

— Рассказ никуда не убежит.

— А вдруг забуду?

— Ты помнишь, сколько раз съехал с горки?

— Тридцать три.

— Значит, память работает.

В прихожую вошли остальные. Соня аккуратно сняла пуховик, повесила его на вешалку и оглянулась. Она каждый раз замечала изменения в этом доме. Не потому что их было много. А потому что их почти не было. Тот же старый шкаф. Те же фотографии на стене. Та же лампа с тёплым жёлтым светом. Ей казалось удивительным, что какие-то вещи могут просто оставаться. Не надоедать. Не требовать обновления.

— Сонечка, иди сюда, — сказала бабушка.

Она обняла внучку и посмотрела на неё внимательно.

— Совсем взрослая стала.

— Мне уже почти четырнадцать, — сказала Соня, передавая бабушке торт и красивый букет из сосновых веток.

— Именно. Самый опасный возраст.

— Почему?

— Потому что человек уже всё знает.

Соня улыбнулась.

— Это у нас скорее про Митю.

Родители Арсения жили в квартире, где время не остановилось. Оно просто не спешило. Здесь не было ощущения пространства, которое нужно постоянно улучшать. Каждая вещь имела причину находиться на своём месте. Старое кресло отца. Шкаф с книгами. Хрустальная

салатница, которую доставали только по праздникам. Картины, которые никто не выбирал под цвет стен. Они были там потому, что были частью семьи.

Арсений всегда немного менялся здесь. Вера замечала это. Дома он был человеком, который всё держит в голове. Работа. Дети. Бюджеты. Планы. Контракты. А здесь он снова становился сыном. Он помогал отцу открыть бутылку лимонада для детей. Проверял, хватает ли столовых приборов. Спрашивал мать, как её давление. Обычные вещи. Но именно из них и состояла жизнь.

За столом разговор был немного сумбурным. Митя рассказывал про горки. Лиза требовала свою любимую тарелку. Соня показывала бабушке фотографии. Арсений с отцом обсуждали новости. Вера слушала и ловила себя на странном ощущении. Ей нравилось, что здесь никто не пытался быть интересным. Никто не рассказывал историю так, чтобы её можно было опубликовать.

После обеда дети перебрались в гостиную.

Митя остановился у книжных шкафов.

— Дед, ты правда всё это прочитал?

Павел Сергеевич посмотрел на полки.

— Нет, конечно.

— А зачем тогда покупал?

— Не всё я покупал. Что-то осталось ещё от моих родителей, что-то собирал для работы.

Митя вытащил книгу, посмотрел на обложку.

— Опять история.

— У историка неожиданно много книг по истории, — сказал Арсений.

— Я заметил.

Павел Сергеевич достал семейный альбом и несколько старых вещей, которые обычно хранились вместе с ним. Дети придвинулись ближе.

В тёмном футляре лежал дагеротип большой семьи Ланских: Михаил Андреевич и Елизавета Петровна с четырьмя детьми. Рядом лежала акварель. На акварели женщины танцевали в светлых платьях. Из-под длинных подолов выглядывали светлые атласные туфли без каблуков. У открытой двери стоял лакей с подносом.

— Они так зимой ходили? — спросила Соня.

— Доезжали в шубах, в доме переодевались. В зале горели десятки свечей и было душно, а в соседних комнатах оставалось холодно.

Митя посмотрел на люстру.

— А если свечи погаснут?

— Зажгут снова.

— Все?

— Для этого в доме и работало столько людей.

Екатерина Андреевна развернула сложенный вчетверо лист. Почерк был мелким и неровным, несколько слов зачёркнуты, на полях расплылось чернильное пятно.

— Это письмо Анны двоюродной сестре. Она начала по-французски, потом устала и перешла на русский.

— Нормально, — одобрила Соня.

Екатерина Андреевна прочитала первые строки по-французски и тут же перевела их.

Митя посмотрел на неё:

— Ты так быстро можешь?

— Я вообще-то французский преподаю.

Соня усмехнулась:

— Мить, ты только сейчас это узнал?

Екатерина Андреевна посмотрела на них обоих.

— Между прочим, Anne здесь тринадцать, и французский у неё был каждый день. Могут заниматься вашим образованием.

— Нет, спасибо, — сразу сказала Соня.

— А я хочу, — сказал Митя. — Только без домашки.

— Тогда ты хочешь не французский, а чудо, — сказала Екатерина Андреевна.

Екатерина Андреевна прочитала:

— «Дождь идёт третий день. Madame заставила меня дважды переписать перевод. В классной холодно, чернила густеют, и перо опять оставило кляксу. После урока мы нашли возле крыльца мокрого щенка и спрятали его за ширмой. Он испачкал ковёр, и мама всё узнала».

Митя подался вперёд.

— Щенка выгнали?

— Подожди.

— Это самое важное.

Екатерина Андреевна дочитала до конца и улыбнулась.

— Не выгнали. Оставили при кухне, а потом он стал жить в доме.

— Хорошо, — сказала Лиза.

— А ковёр? — спросил Митя.

— О ковре история умалчивает.

— Значит, ковёр не выжил, — решил он.

Соня посмотрела сначала на строгую семью на фотографии, потом на письмо с кляксой.

— На фотографии они такие, будто никогда ничего неправильного не делали.

— Фотография многое могла скрыть, — сказал Павел Сергеевич.

— Письма обычно были разговорчивее.

— Ничего не изменилось, — заметил Арсений.

Вера взглянула на него.

— Сейчас письма называют перепиской и стараются вовремя удалить.

— Вот видишь. Мы стали предусмотрительнее предков.

Павел Сергеевич положил рядом фотографию, акварель и письмо.

— Сергей остался в имении. Николай служил и приезжал редко. Анна и её младший брат Павел потом жили в Москве. Благодаря письмам мы знаем не только даты. Знаем, кто боялся грозы, кто постоянно терял перчатки, кто прятал собак и кто однажды сбежал с урока французского кататься на замёрзшем пруду.

Екатерина Андреевна подняла глаза:

— Последнему я, разумеется, не сочувствую.

— Как преподаватель? — спросил Арсений.

— Как человек, который знает, сколько времени потом ищут ученика.

Митя ткнул пальцем в младшего мальчика:

— Это он сбежал?

— Нет, — сказал Павел Сергеевич. — Сергей.

Соня усмехнулась:

— Конечно. На фотографии всегда подозревают не того.

Павел Сергеевич принёс лист бумаги и карандаш. Наверху написал Михаила Андреевича и Елизавету Петровну, ниже — имена четверых детей и провёл между ними линии.

Соня придвинулась ближе.

— А Анна со щенком где?

Он показал.

Митя потребовал отметить и собаку. Павел Сергеевич сначала отказался, потом всё-таки нарисовал возле имени Анны маленький кружок и написал: «щенок, имя неизвестно».

— Нельзя же терять важного родственника, — сказал Арсений.

Лиза забралась к Вере на колени и положила ладонь на край старого письма. Вера осторожно отвела её пальцы от бумаги, но вставать не стала.

Из столовой коротко завибрировал чей-то телефон. Никто не повернул головы.

Павел Сергеевич провёл следующую линию и продолжил рассказывать — о детях графа, об их детях и о том, как одна большая семья постепенно разошлась по разным городам, сохранив несколько писем, акварель и старый тёмный футляр.

Альбом так и остался открытым.

ГЛАВА 4

На большой перемене Митя едва вышел из класса, как его сразу окружили Егор, Даня и Артём.

— Это вы в том зимнем парке были?

— Не в парке, — важно поправил Митя. — Там целый курорт.

— С настоящим лесом?

— Да. И горки прямо между соснами.

— Мама вчера показывала, — сказал Егор. — Говорит: «Посмотри, как красиво». А потом увидела тебя и говорит: «Это же Митя из твоего класса!»

— У нас тоже смотрели, — подхватил Даня. — Папа сказал, что хочет туда поехать.

Артём не выдержал:

— Это правда, что ты там папу обогнал?

Митя сразу расплылся в улыбке.

— Правда.

— Честно?

— Конечно.

— Он не поддавался?

— Нет!

Митя даже возмутился.

— Он потом сам сказал: «Сегодня ты был быстрее».

Мальчишки переглянулись.

— Ничего себе...

— А как ты выиграл?

Митя задумался с очень серьёзным видом.

— Во-первых, я легче.

Егор важно кивнул.

— Это логично.

— Во-вторых, раньше оттолкнулся.

— А ещё?

Митя понизил голос, словно открывал большой секрет:

— На последнем повороте нельзя бояться.

— Там очень страшно?

— Немножко.

Он улыбнулся.

— Но если испугаешься, проиграешь.

— А потом ты ещё и Соню обогнал? — вспомнил Даня.

Митя довольно кивнул.

— Да.

— Два раза?

— Один.

— Всё равно круто.

Егор вздохнул.

— Я бы тоже хотел туда.

— Поехали с нами, — легко сказал Митя.

— Правда?

— Конечно. Только сначала потренируйтесь.

— Это ещё зачем?

— Чтобы меня победить.

Все рассмеялись. Из динамиков над дверью заиграли первые такты «Учат в школе» — один из новых музыкальных звонков.

— Опять эта, — простонал Даня.

— Вчера была другая, — сказал Егор.

— Вчера было «Дважды два — четыре». Это не считается.

Мальчишки побежали в класс, уже споря, кто из них сможет быстрее всех пройти последний поворот. Митя шёл последним и улыбался. Ему нравилось, что ребята запомнили не ролик. Не красивые виды. Не снег и не курорт. А то, что он честно обогнал папу.

— Малинки, малинки, какие вечеринки!

Марина появилась на пороге квартиры с огромным пакетом.

— Ребята. Сегодня нам точно есть что отпраздновать. Восемь лет мы шли к 8,5 миллионам подписчиков, а один семейный обед с историей помог нам пересечь рубеж в десять миллионов. И всё благодаря Виста Стрим. Кто молодцы? Мы молодцы.

Марина сама себе заплодировала и поставила пакет на кухонный остров.

— Всё. Теперь можно праздновать.

— Подожди, — сказала Вера. — Ты правда пришла только с этой новостью?

— Нет.

Марина сняла шарф.

— Я пришла ещё с пирогом, потому что десять миллионов подписчиков без пирога — это просто статистика.

— Очень профессиональный подход, — сказал Арсений.

— Я восемь лет работаю с вами. Я поняла главное.

Она посмотрела на них.

— Люди любят цифры только первые пять минут. Потом им хочется чего-нибудь вкусного.

Вера рассмеялась.

Марина была именно такой. Даже когда речь шла о миллионах, тенденциях и стратегии, она могла обсуждать всё это, одновременно нарезая яблочный пирог.

Она достала контейнеры.

— Только предупреждаю: я всё купила для поедания, не для фото.

Арсений поднял брови.

— А что, теперь даже еда должна пройти собеседование перед публикацией?

— Ты смеёшься, но примерно так и было последние годы.

Они привыкли жить с мыслью, что любой момент может стать частью истории. Красивый завтрак. Путешествие. Праздник. Даже случайный разговор.

Но сейчас впервые за долгое время хотелось просто сидеть. Есть пирог. Пить шампанское. И радоваться.

Марина разложила еду — пирог, сыры, фрукты, тартелетки с разными начинками.

— Ладно, — сказала она, садясь. — Давайте честно. Мы сейчас празднуем не цифру.

— А что? — спросил Арсений.

— Слом.

— Звучит не очень празднично, — заметила Вера.

— Зато честно.

Марина взяла кусок пирога.

— Потому что цифра — это следствие. А вот то, что произошло в воскресенье...

Она не договорила. Арсений кивнул.

— Фотографии.

— Да.

Марина посмотрела на него.

— Ты видел комментарии?

— Только часть.

— И?

Он пожал плечами.

— Люди внезапно начали писать так, будто это их семья.

Вера медленно кивнула.

— Да. Меня это тоже удивило.

Марина усмехнулась.

— Меня не удивило. Меня насторожило.

— Это разные эмоции? — спросил Арсений.

— Конечно.

Она отпила шампанского.

— Люди не просто посмотрели ролик. Они начали в него возвращаться.

— Это плохо?

— Это мощно.

Виста Стрим показывал момент сначала небольшой группе зрителей. Если люди задерживались, пересматривали, делились собственными историями и возвращались к нему снова, время показа расширялось. Ролик словно находил свою аудиторию сам.

— А всё мощное либо становится тенденцией, либо проблемой.

Вера взяла пирог.

— Но ведь мы не делали ничего особенного.

— В этом и вопрос, — сказала Марина.

Арсений усмехнулся.

— Звучит как обвинение.

— Нет. Это комплимент.

Она наклонилась вперёд.

— Вы не пытались понравиться.

— Мы просто поели у родителей, — уточнил Арсений.

— Да.

Марина кивнула.

— И кто-то впервые за долгое время увидел в этом не картинку, а жизнь.

Арсений откинулся на спинку стула.

— И что теперь, все начнут есть у родителей?

— Уже начали, — сказала Марина.

— В смысле?

Она достала телефон и открыла следующий экран. Там были уже не комментарии, а публикации.

«Новая искренность: почему люди снова хотят видеть не идеальную жизнь, а настоящую». «От роскоши к корням: как меняется язык семейных блогов». «Почему свечи, старые фотографии и домашняя кухня стали новым символом спокойствия».

Вера нахмурилась.

— Свечи?

— Да.

— Серьёзно?

Марина улыбнулась.

— Абсолютно.

Она показала другой отчёт.

— За последние недели вырос интерес к публикациям, связанным с домом, ручной работой, традиционной кухней, семейной историей.

Арсений посмотрел на неё.

— То есть люди внезапно полюбили свечи?

— Нет.

Марина покачала головой.

— Люди внезапно захотели, чтобы вокруг них было ощущение спокойствия.

Она открыла ещё один список.

— Вот что сейчас растёт в рекомендациях: домашняя кухня, семейные поездки, старые усадьбы, загородные дома, истории родственников, ремесла, природа. Глэмпинги. Избинги. Эко-отдых. Домики в лесу. Места без постоянного интернета.

— По сути, — сказала Марина, — люди хотят уехать от города, но не готовы жить как сто лет назад.

Арсений кивнул.

— То есть комфорт плюс тишина.

— Именно.

Вера задумалась.

— Не старина ради старины.

— Нет.

— А ощущение?

Марина посмотрела на неё.

— Да. Смотрите — Подкасты. Запросы. Интервью.

Несколько секунд они молчали. Марина улыбнулась.

— Теперь им всем нужен «контекст».

— Что это значит? — спросил Арсений.

— Это значит, что раньше продавали красивую картинку. Она пожала плечами.

— А теперь хотят продавать ощущение, что за картинкой что-то есть.

Вера тихо рассмеялась.

— И мы вдруг стали «что-то есть».

— Именно, — сказала Марина.

Она взяла ещё кусок пирога и добавила проше:

— Самое смешное, что половина рынка сейчас в панике.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что они всю жизнь учили людей быть идеальными.

Марина посмотрела на них.

— А оказалось, что людям интереснее те, кто просто живёт.

На секунду Арсений стал серьезнее.

— И что нам делать?

Марина пожала плечами.

— Ничего героического.

— Это успокаивает.

— Я стараюсь.

Она улыбнулась.

— Просто перестать бояться обычного.

Потом Арсений спросил:

— А что с рекламой?

Вот тут Марина стала серьезнее.

— Вот здесь самое интересное.

Она открыла отдельный файл.

— Старые категории никуда не исчезают: одежда, красота, автомобили, техника, премиальные бренды.

Она посмотрела на Веру.

— Но они хотят другой контекст.

— Не просто «купите это», — сказала она. — А «это часть вашей жизни».

Вера медленно кивнула.

— Например?

— Бренд одежды больше не хочет шикарное платье на фоне красивого интерьера.

Марина улыбнулась.

— Они хотят платье, которое существует внутри истории.

Арсений усмехнулся:

— Мы превращаем рекламу в семейную хронику.

— Возможно.

— А наши текущие контракты?

Вера стала внимательнее. Марина вздохнула.

— Вот тут надо аккуратно. Часть партнёров была заинтересована. Часть — нет. Кому-то нужен был прежний образ: дорогой, быстрый, идеальный. Именно его они и покупали, — сказала Марина. — А теперь хотят понять, как встроиться в новую историю.

— А Виста Стрим?

— Виста Стрим платит не за красоту.

Она закрыла планшет.

— Он платит за удержание внимания.

— Нам не надо становиться другими, — сказала Марина.

— Но?

Она улыбнулась.

— Но надо перестать думать, что люди смотрят только то, что мы им показываем.

Вера посмотрела на экран. На фотографию воскресного обеда. На родителей Арсения. На детей. На себя.

— И что дальше? — спросил Арсений.

Марина подумала.

— Наблюдаем.

— Только?

— Пока да.

Она улыбнулась.

— Самые большие ошибки делают люди, которые начинают повторять то, что у них случайно получилось.

Телефон Веры тихо загорелся на столе. Уведомления. Одно за другим. Марина заметила.

— Уже пошло.

— Что пошло? — спросил Арсений.

— Волна.

— Ты точно туда идёшь? — спросила Вера, поправляя воротник его рубашки.

Арсений посмотрел в зеркало и чуть усмехнулся.

— А у меня есть выбор?

— Всегда есть.

— Тогда я выбираю не опаздывать.

Он взял часы со стола. Стильные, дорогие. Такие вещи он не менял годами. Вера задержала взгляд на его лице.

— Они будут задавать странные вопросы.

— Они всегда задают странные вопросы.

— Эти — особенно.

Он кивнул.

— Значит, отвечу как обычно.

— То есть честно?

— То есть коротко.

Она улыбнулась. Это было их негласное правило: честность без лишней драматизации.

Студия находилась в старом здании. Деревянные перила лестницы были тёплыми от рук. Двери слегка скрипели. И даже свет казался не студийным, а случайным.

Красный индикатор камеры загорелся почти незаметно. Не было привычного ощущения начала эфира — никаких громких заставок, музыки, отсчёта. Только тихий свет студии и экран за спиной ведущего, где медленно сменялись фотографии.

Арсений давно привык к камерам. Он привык к вопросам о цифрах, проектах, технологиях. К тому, что после каждого ответа кто-то будет искать не смысл, а удобную цитату. Ведущий не открыл планшет сразу. Несколько секунд он просто смотрел на экран.

— Арсений, знаете, что меня больше всего заинтересовало в этой истории?

— Что?

— Мы начали готовить интервью о Виста Стрим.

Он повернул голову к экрану.

— А в итоге почти всё время говорим о вещах, которые вообще не были целью проекта. На экране появился первый кадр.

Снег. Горка. Митя. Арсений на тубинге, пытающийся сохранить серьёзное выражение лица.

И потом голос сына:

— Пап, только честно. Без поддавков.

В студии тихо рассмеялись.

Арсений улыбнулся.

— Это он хорошо запомнил.

— А вы?

— Я тоже.

— Потому что проиграли?

— Потому что он победил меня честно.

На экране появился момент финиша. Митя вылетает первым, падает в снег, тут же встаёт и смотрит назад — не на камеру, не на зрителей. На отца. Ждёт подтверждения.

— Вот этот момент, — сказал ведущий. — Мы пересматривали несколько раз в редакции. Ведущий слегка улыбнулся.

— Он стал первым большим вирусным роликом.

Арсений пожал плечами и посмотрел на экран.

— Когда ты работаешь внутри этой индустрии, тебе кажется, что люди реагируют на сложные вещи. На красивую картинку. На необычную историю. На что-то, что сложно создать.

— А оказалось?

— А оказалось, что иногда люди просто радуются победе ребёнка.

Ведущий кивнул.

— Хорошо. Тогда идём дальше. — Ваш семейный обед у родителей стал самым вирусным моментом недели. Вы вообще понимаете почему?

Арсений пожал плечами.

— Потому что он не должен был им стать.

— Это ответ или уход?

— Это факт.

Ведущий чуть наклонился.

— Но вы же всё контролируете. Виста Стрим, съёмки, доступы.

— Контролируем.

— Тогда как система взяла и вытащила именно это?

Арсений спокойно посмотрел на него.

— Вот это вопрос к системе.

— Или к вам?

— Если хотите драму — давайте к нам.

— А если без драмы?

— Тогда это просто алгоритм.

— Сейчас про вас пишут, — продолжил ведущий, — что вы стали символом «новой искренности».

Арсений слегка усмехнулся.

— Это удобно звучит.

— Вам не нравится формулировка?

— Мне не нравится, когда формулировка начинает жить вместо смысла.

Картинка сменилась. Теперь был семейный обед у родителей Арсения. Накрытый стол, дети, разговоры. Потом — гостиная, раскрытый альбом и тёмный футляр.

На следующем кадре Соня склонилась над старым дагеротипом. Павел Сергеевич что-то объяснял детям.

Ведущий увеличил изображение.

— Это Ланские?

— Да. Михаил Андреевич, Елизавета Петровна и их дети.

— Когда снято?

— В 1849 году.

— И дагеротип сохранился до сих пор?

— Да.

Арсений посмотрел на экран.

— Я с детства знал, кто они. Не просто имена в родословной. У них были свои характеры, привычки, ошибки, дети.

Ведущий кивнул.

— И именно этот кадр неожиданно вызвал огромный отклик.

— Сейчас вас активно обсуждают, — сказал ведущий. — «Новая искренность», традиционные ценности, возвращение к корням. Такое ощущение, будто половина страны одновременно решила открыть бабушкины альбомы.

Арсений усмехнулся.

— Я бы не торопился объявлять возвращение к корням.

— Почему? Цифры говорят обратное.

— Цифры показывают интерес. Не причину.

Ведущий отложил планшет.

— А причина?

— Мы слишком долго жили с простой установкой: новое почти всегда лучше старого. Новый телефон, новый дом, новая работа, новое место, новая версия себя. Это нормально. На этом вообще построена большая часть современной экономики.

— А потом люди устали?

— Не думаю. Люди любят новое. Я тоже.

— Тогда что изменилось?

Арсений посмотрел на фотографию на экране.

— Нового стало слишком много.

— В каком смысле?

— Раньше человеку нужно было специально что-то забыть. Теперь ничего забывать не надо — техника всё сохранит сама. Фотографии, переписку, маршрут, покупки, дни рождения. Через десять лет ваш телефон будет знать о каком-нибудь вашем вторнике больше, чем вы сами.

Ведущий улыбнулся.

— Звучит немного пугающе.

— Только если спросить, кто именно всё это помнит.

— А вы спрашиваете?

— Я журналист. Профессиональная деформация.

В студии засмеялись. Ведущий кивнул на экран.

— Но старый семейный альбом ведь тоже хранит память.

— Альбом хранит фотографии. Память появляется, когда рядом есть человек, который говорит: вот это твоя прабабушка, здесь ей шестнадцать, а этого мужчину она терпеть не могла, хотя на фотографии они стоят рядом и прекрасно улыбаются.

Ведущий рассмеялся.

— Существенная деталь.

— Именно. Без неё остаётся просто изображение.

На экране снова появился дагеротип Ланских.

— То есть дело не в старых вещах?

— Конечно нет. Старая вещь сама по себе ничего не гарантирует. Можно поставить дома дореволюционный шкаф и не знать даже имени собственного прадеда.

— Но людям сейчас явно нравится всё, что связано с прошлым.

— Им нравится не прошлое. Им нравится продолжение.

— Продолжение чего?

Арсений пожал плечами.

— Себя.

Ведущий помолчал.

— Это уже философия.

— Нет. Очень практическая вещь. Большинство из нас прекрасно знает, где будет через неделю. Календарь всё расскажет. Но спросите человека, где его семья была сто лет назад, — и часто там пустота.

— И это вдруг стало важно?

— Возможно, потому что будущее сейчас меняется быстрее, чем мы успеваем к нему привыкнуть.

— Из-за технологий?

— Не только. Работа меняется. Города. Способ общения. Даже представление о том, что считать настоящим.

Ведущий чуть прищурился.

— Вот это интересно. Что значит «настоящим»?

Арсений посмотрел на него.

— Мы вошли в довольно странный период. Фотографию можно улучшить за секунду. Голос исправить. Человека на видео заставить сказать то, чего он никогда не говорил. Через несколько лет значительная часть того, что мы увидим на экране, вообще не обязательно будет иметь исходный момент в реальности.

— А этот дагеротип имеет.

— Вот именно.

Он кивнул на экран.

— Эти люди действительно однажды встали перед камерой в 1849 году. Они не были сгенерированы под запрос. У них был плохой день или хороший, кто-то из детей хотел уйти, кто-то устал стоять. Но этот момент был.

Ведущий помолчал.

— Получается, чем совершеннее технологии, тем ценнее становится доказательство реальности?

Арсений задумался.

— Возможно. Хотя я бы не противопоставлял одно другому. Технология сама по себе ничего не отнимает. Вопрос в том, что мы ей поручаем.

— Виста Стрим, например, вы поручили выбирать моменты вашей жизни.

— Часть моментов.

— И именно система нашла фотографию, семейный обед, разговоры детей. То, что сейчас обсуждают миллионы.

— Да.

— Вас это не настораживает?

Арсений слегка улыбнулся.

— Меня скорее интересует другое.

— Что?

— Почему алгоритм заметил это раньше нас.

Ведущий поднял брови.

— То есть?

— Мы восемь лет строили блог. Снимали путешествия, красивые дома, рестораны, рекламу. Всё это людям нравилось. Потом система показывает обычный семейный обед и старый дагеротип — и реакция оказывается сильнее.

— Почему?

— Вот это уже хороший вопрос.

— И ваш ответ?

— Возможно, мы слишком долго измеряли только то, чего люди хотят увидеть. А есть ещё то, чего им не хватает.

Ведущий замолчал на секунду.

— И чего им не хватает?

— Я не знаю.

— Удобный ответ.

— Зато честный. Если бы я знал, уже продавал бы курс.

В студии засмеялись.

— Но версия у вас есть?

— Есть.

— Какая?

— Ощущение, что человек существует не только между сегодняшним утром и завтрашним уведомлением.

Ведущий чуть улыбнулся.

— Сильная фраза.

— Не вырезайте, пожалуйста.

— Уже поздно.

Арсений рассмеялся.

— Я так и думал.

Ведущий снова посмотрел на фотографии.

— Но вас уже называют одним из символов нового движения.

— Вот это как раз самое забавное.

— Почему?

— Потому что никакого движения никто не создавал. Мы поехали к моим родителям. Отец достал семейный архив. Дети заинтересовались. Виста показала это людям. Люди задержались. Алгоритм увидел реакцию и распространил шире. Через несколько дней появились статьи, а потом — название явления.

— То есть движение придумали журналисты?

— Как журналист я категорически протестую.

— Но примерно так?

— Примерно.

— И теперь люди начинают искать собственные семейные истории.

Арсений кивнул.

— Вот это мне действительно интересно.

— Почему?

— Потому что здесь мы уже ни при чём.

— Как это?

— До определённого момента человек смотрит на нас. А потом закрывает экран и звонит своей бабушке.

Ведущий улыбнулся.

— Это вы сейчас образно?

— Нет. Мне написала женщина. После нашего ролика она впервые за двадцать лет достала семейный альбом. Позвала внуков. Они сидели несколько часов и выясняли, кто там изображён.

— Из-за вас.

— Вот как раз нет.

— Почему?

Арсений посмотрел на старый дагеротип на экране.

— Потому что в какой-то момент мы ей больше не понадобились.

— А что понадобилось?

— Её собственная семья.

Ведущий несколько секунд молчал.

— Хорошо. Тогда последний вопрос. Вы сами изменились за это время?

Арсений задумался.

— Наверное.

— А раньше отвечали «нет».

— Значит, интервью оказалось длиннее, чем я рассчитывал.

Ведущий засмеялся.

— В чём изменились?

Арсений посмотрел на экран, где Соня показывала Лизе акварель бала.

— Я стал чаще рассказывать детям то, что почему-то всё время откладывал.

— Про Ланских?

— Не только. Про своих родителей. Про детство. Про то, кем были их прадеды. Дети растут быстрее, чем кажется. И однажды выясняется, что всё, что ты им не рассказал, автоматически никто не сохранит.

— Даже Виста?

Арсений улыбнулся.

— Особенно Виста. Она может сохранить запись. Рассказать всё равно должен человек.

На улице был холодный вечер. Город жил своей обычной жизнью. Машины. Люди. Свет в окнах. Он достал телефон. Экран сразу заполнился уведомлениями. Не сообщения. Реакции. Фрагменты интервью уже разошлись. Кто-то вырезал момент про фотографию. Кто-то — про

Митю. Кто-то — про слова «люди пытаются найти что-то своё». Он пролистал несколько заголовков.

«Ланские и новая эпоха семейной памяти».

«Почему россияне снова начали искать свои корни».

«От роскошного образа жизни к истории рода: феномен семьи Ланских».

Арсений поморщился. Не потому что заголовки были неприятными. А потому что они были слишком шаблонными. Слишком быстро. Он убрал телефон. В машине он некоторое время просто смотрел в окно. В голове снова всплыл не эфир. А фотографии из ленты Стрим и самый простой вопрос: «А это наша семья?». Семья — одно слово. Но за ним оказалось больше, чем он ожидал.

Он подумал о том, что в последние годы они действительно привыкли показывать настоящее только через настоящее. Новый дом. Новые поездки. Новые впечатления. Всё то, что происходило сейчас. И вдруг оказалось, что людям интересно не только то, что появилось вчера. А то, что было до них.

Телефон снова завибрировал. Сообщение от Веры.

«Ну как прошло?»

Он посмотрел на экран и улыбнулся. Написал:

«Кажется, они решили, что мы знаем ответ».

Ответ пришёл почти сразу.

«А мы знаем?»

Арсений посмотрел на город за окном. На тысячи окон. На людей, которые тоже где-то сидели за семейными столами.

Он набрал:

«Нет».

Подумал секунду. Добавил:

«Но, может быть, и не обязательно знать».

Он отправил сообщение и убрал телефон.

Февральский день медленно стекал по окнам. С утра шёл снег, потом перестал, потом снова начал — лениво, без убеждения, будто и зима уже устала от самой себя. Свет был белёсым, рассеянным. Вера осталась дома одна. Такое случалось всё реже. Когда-то она мечтала о тишине. Теперь, получая её, не всегда понимала, что с ней делать. Квартира опустела, и теперь в ней остались только свет, воздух и следы чужого присутствия. На диване лежал забытый Сонин свитер. Возле кресла валялась книжка Мити про корабли. На кухонном столе сохла чашка с недопитым какао. Обычная жизнь. Та самая жизнь, которую столько лет фотографировали, снимали, упаковывали в ролики и подписи.

Вера прошла по гостиной, собирая разбросанные вещи. Последнее время её не покидало странное чувство, словно все вокруг начали говорить на одном языке. Менеджеры. Журналисты. Бренды. Подписчики. Все повторяли похожие слова.

Дом. Корни. Семья. Традиции. Уют.

Будто мир внезапно вспомнил о чём-то и теперь пытался это вернуть.

Она поставила книжку на полку и остановилась возле окна.

Во дворе женщина вела ребёнка через рыхлый снег. Маленькая девочка в ярко-красном комбинезоне то и дело вырывала руку и пыталась наступать только на белые участки. Вера улыбнулась. Когда-то точно так же ходила Соня. Потом Митя. Теперь Лиза. Иногда дети меняются так быстро, что замечаешь это только по фотографиям. Она ещё некоторое время стояла у окна, потом пошла на кухню за чаем.

Там всё и началось. Сначала ей показалось, что изменился свет. Всего лишь свет. Солнечное пятно, лежавшее на полу возле стола, вдруг стало ярче. Теплее. Как будто за окном

выглянуло солнце. Вера машинально посмотрела на улицу. Но солнца не было. Небо оставалось таким же молочно-серым.

Она нахмурилась. Вернулась к чайнику. Налила воду. И вдруг услышала собственные шаги. Раньше она никогда их не слышала. Паркет тихо отозвался под ногами. Не скрипнул даже. Просто напомнил о себе. Потом ещё раз. И ещё.

Словно квартира вдруг стала старше. Живее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.